Шанс только один

Автор:
Максим Шахов

Шанс только один

Максим Анатольевич Шахов

Полковник ФСБ Виктор Логинов #4

Если чеченские смертники взорвут плотину строящейся ГЭС, вода зальет огромную территорию лесных массивов и погубит тысячи человеческих жизней. Но при этом нефтяная компания «Старойл» получит колоссальную страховку. Таков план бывшего сотрудника спецслужб по кличке Делон. План идеален. Если бы не один прокол. О подготовке теракта стало известно подполковнику ФСБ Виктору Логинову. И значит, ему пора браться за серьезную работу. Ведь сначала надо остановить поезд, везущий взрывчатку, а потом разобраться с коварным террористом. Тем более что они – старые знакомые…

Максим Шахов

Шанс только один

1

Подполковник Управления ФСБ по борьбе с терроризмом Виктор Логинов проснулся разом. Быстро открыв глаза, он удивленно посмотрел на будильник. Первой его мыслью было – он проспал на работу.

Отбросив рывком одеяло, Виктор поспешно вскочил с кровати и уже было бросился в ванную, как на тумбочке зазвонил «мобильник».

– Привет, соня! Небось спишь и забыл, что сегодня у нас с тобой день безумной страсти и ночь безумной любви?

– Забыл, Клава… – вздохнул Логинов, опускаясь на кровать.

– Ну так я напоминаю вам, товарищ подполковник, что сегодня вы находитесь в моем полном распоряжении. Я уже везу сына к своим родителям. Где-то через час жди, я перезвоню. Вопросы есть?

– Никак нет, Клавдия Васильевна.

– Только не вздумай опять смыться, как в прошлый раз, Логинов, предупреждаю официально. Между прочим, мы с тобой спали последний раз три недели назад, сам посуди, на фига мне такой любовник? Ты слышишь?..

– Слышу, слышу, – виновато вздохнул Логинов. – Но в прошлый раз, Клава, в Москве объявили «Вихрь-антитеррор», и я просто не мог…

– Да не нужны мне твои вихри с антитеррорами, Логинов! Мне мужик нужен, понимаешь – му-жик. А не беззаветный борец с терроризмом, который всю жизнь гоняется за призраком Бен Ладена!

– Ну при чем тут Бен Ладен, Клава?

– При том, что мне уже по ночам негры снятся с арабами! Голые! Мне что, прикажешь, на твою фотографию мастурбировать? Так, все, Логинов, сын выходит из магазина, ему про это слушать еще рано. Ты все понял?

– Так точно, Клавдия Васильевна, – вздохнул Логинов. – Находиться в полной боевой готовности и ждать через час вашего звонка.

– Вот так-то, – подвела итог Клава. – И помни – если и на этот раз ты выкинешь какой-нибудь фортель, между нами все кончено! Не обижайся, но я так больше не могу…

На этом Клава поспешно отключилась – видно, сын дошел до машины и открыл дверцу. Виктор положил на тумбочку «мобильник» и сладко потянулся.

Звонок Клавы напомнил ему, что никуда он не проспал – сегодня у него был законный выходной, первый за три последние недели. Не нужно было никуда бежать, никого выслеживать и выслушивать на совещаниях набившие оскомину установки руководства.

А еще, черт побери, его наконец ожидали день безумной страсти и ночь безумной любви с самой прекрасной женщиной на свете! Да еще и стосковавшейся по его, Логинова, мужской ласке…

От этих мыслей Виктор ощутил нешуточное шевеление в трусах и только огромным усилием воли заставил себя переключиться с эротических видений на бытовую рутину.

А дел здесь было невпроворот – за три недели произвести в квартире хоть какую-то уборку Виктор ни разу не удосужился. Просто не было времени. Приползал без задних ног за полночь, а чуть свет снова уезжал на свою проклятую работу – не до уборок, часика четыре поспал – и то хорошо.

Наскоро умывшись и почистив зубы, Виктор включил страшно ревущий пылесос и принялся наводить в своей холостяцкой квартире порядок. Побриться и принять душ он собирался после уборки – чтобы встретить Клаву во всеоружии…

Из-за рева своего допотопного пылесоса Виктор и не услышал, как на тумбочке запиликал «мобильник». Но тот, кто звонил, проявил настойчивость и одновременно позвонил по городскому номеру.

На этот раз Виктор звонок услышал. Выключив требующего починки монстра, он буркнул в трубку:

– Алло!

– Логинов, просыпайся, – несколько извиняющимся тоном проговорил оперативный дежурный по УБТ.

– Да я уже проснулся… – упавшим голосом сказал Виктор.

– Тем лучше. Я уже выслал тебе резервную машину, чтобы ты за своей не таскался на стоянку. Через пять минут выходи. Все! Давай! У меня времени нет…

– Да что случилось-то? Теракт опять?

– Хуже, – бросил дежурный, прежде чем отключиться. – Приедешь – узнаешь.

– Вот же черт! – в сердцах швырнул Логинов трубку на аппарат. – Что за работа? Ни переспать с женщиной нельзя, ни умереть!

2

Накануне вечером подчиненному Логинова Леониду Аникееву позвонил однокашник по юрфаку – опер МУРа Андрей Пряхин. Разбитной, легкий на подъем и жесткий, Пряхин был, казалось, антиподом Аникеева – интеллигентного, склонного к анализу и где-то даже утонченного.

Но они поддерживали приятельские отношения – даже несмотря на то, что Андрей Пряхин закончил юрфак на два года раньше, чем Аникеев, и в поте лица трудился «на земле» – в уголовном розыске одного из ОВД Москвы.

Надо сказать, что премудрости оперативной работы он хватал, что называется, на лету. Ну а силой и быстротой реакции бог его не обидел, так что всего за пару лет он вырос в классного розыскника.

Но их в Москве много. Только немногим из них удается в конце концов попасть в МУР. А Пряхин попал. И объяснялось это вовсе не его исключительными профессиональными качествами (хотя и они имели место), а скорее жизненной философской установкой.

А заключалась она всего в двух посылах: «головой стену не прошибешь» и «моя хата с краю». Пряхин не был беспринципным негодяем. Он просто реально оценивал общество, в котором жил. И понимал, что донкихоты от

правоохранительных органов в этом обществе просто обречены на вымирание – как ископаемые динозавры. Примеров была масса – принципиальные коллеги спивались на глазах, стрелялись, попадали в психушки и тюрьмы.

И Пряхину, жизнелюбу по складу характера, повторять их крестный путь вовсе не улыбалось. В загробную жизнь он как-то не верил и вполне резонно полагал, что второй жизни у него не будет. А раз так, то нужно было как-то устраиваться в этой – пусть гнусной, мерзкой, лживой и лицемерной. Но единственной и неповторимой.

Поэтому, когда начальник ОВД или еще кто-то вызывал Пряхина на ковер и приказным либо дружеским тоном просил переквалифицировать действия какого-нибудь негодяя во что-нибудь невинное, Андрей молча «брал под козырек». И не мучился потом укорами совести, справедливо полагая, что, во-первых, бороться с коррупцией в системе МВД должен не он, а соответствующие органы (отдел собственной безопасности, например, или прокуратура с ФСБ), а во-вторых, рано или поздно каждый негодяй в тюрьму сядет. Точно так же Пряхин относился к тому, что «старшие» товарищи с Петровки, 38 вдруг падали как снег на голову и самым бессовестным образом «умыкали» себе какое-нибудь перспективное дело (чего возмущаться, радоваться надо, что преступники понесут справедливое наказание – на Петровку-то уж так просто не «надавишь»).

Такое отношение не только позволило Пряхину сохранять моральное здоровье, но и быть на отличном счету – как у собственного начальства, так и у «главковского». И не было ничего удивительного в том, что после известной показательной чистки МУРа Пряхин стал одним из первых кандидатов на перевод на Петровку.

На новом месте Пряхин слегка осмотрелся и понял, что МУР принципиально ничем не отличается от его прежнего места работы. Поэтому Андрей и стал придерживаться прежней линии. И как-то недосуг было задумываться, что, в случае чего, первыми горят именно крайние хаты…

– Здоров, Леньчик! Это Пряхин!

– Привет, Андрей! Какими судьбами?

– Да вот, вспомнил о тебе. Давненько не пересекались.

– Работа, – вздохнул Аникеев.

– Так у всех работа, но нужно и для отдыха время выкраивать. Ты как насчет маленького бордельеро? С девочками?

– Да я, вообще-то, не по этим делам, ты же знаешь. Тем более, меня невеста ждет, я с ней уже сто лет не виделся.

– Да я в курсе твоих моральных принципов, Леньчик. Только я просто так ничего не делаю, ты же знаешь. Мне кажется, что с этими девочками тебе на всякий случай стоит пообщаться… Понял?

– Не очень. А кто они?

– Ночные бабочки.

– Нет-нет-нет! Я с такими дел не име…

– Да подожди ты, Леньчик, я еще не договорил! Эти девочки мне самому упали как снег на голову. В общем, я их периодически «прикрывал», без информаторов в нашем деле, сам понимаешь, никуда. А за это они мне «сливали» информацию о клиентах. Мелочевку всякую. А тут пару часов назад звонят прямо на работу. Ну я забил им стрелку, переговорил. Поначалу загрузили они мне что-то несусветное, но я на них поднажал, и картинка вырисовалась любопытная. Вроде сняли их какие-то кавказцы, приезжие. И вывезли за город, в Подмосковье. До траха дело не дошло, потому что девочки эти вроде подслушали, что кавказцы их живьем отпускать не собираются. Ну и влили клиентам по лошадиной дозе клофелина. А потом их «лопатники» выгребли и сделали ноги…

– Ну а я-то тут при чем? – спросил Леньчик.

– Да при том, что девки эти клянутся, что подслушали еще кое-что, уже по твоему ведомству.

– Что именно? – впервые за все время разговора в голосе Аникеева появился интерес.

– Да что-то насчет цистерны железнодорожной, которую якобы переоборудуют по VIP-классу для тайного провоза террористической группы в глубь России.

– Здорово… А они тебе не лапшу, часом, на уши вешают, Андрей?

– А я почем знаю, я не по этим делам. Хотя верится, конечно, с трудом. Тем более, что, по их словам, случилось это все три дня назад.

– А позвонили они тебе только сегодня?

– Да.

– А три дня что они делали?

– У знакомой сидели. Говорят, испугались сильно. Боялись с террористами связываться.

– А сегодня осмелели?

– Наоборот. Дело в том, что их стали искать какие-то люди. На «пятачке», где они обычно снимались.

– Ну правильно, кавказцы решили вернуть свои бабки.

– Скорее всего так. Но девки говорят, что это были уже не кавказцы. К тому же с «пятачка» пропала их подруга, с которой они жили. Так что они теперь и на квартиру к себе боятся возвращаться. В общем, обделались уже по-настоящему и прибежали с чистосердечным признанием. Понял?

– Понял… Все это сильно смахивает на страшилку, придуманную, чтобы получить защиту от облапошенных кавказцев. А подруга их скорее всего где-то зависла у клиента.

– Я тоже так думаю. Но поскольку девки настаивают на своем, я и звоню тебе. Мне они ни к чему, срубить «палку» я на них не смогу – потерпевшие не напишут заяву, сто процентов. А возиться с ними некогда – работы навалом. Так что подъезжай и забирай их к себе под крыло.

– Куда забирай? Я сейчас со своей невестой в театр иду! Большой! Ее папаша билеты подогнал. Представляешь, что будет, если я появлюсь там с этими клофелинщицами и скажу, что занят по работе?

– Тяжелый случай. Ну тогда просто перезвони, предупреди ее.

– Ага, предупреди! Знаешь, сколько билеты в Большой стоят? Нет, если я «продинамлю», это будет конец!

– Ну тогда просто начальству передай этих девок, что ли.

– Если я, Андрей, буду начальству всех за– вравшихся клофелинщиц без проверки передавать, с меня мигом погоны снимут!

– Ну как знаешь. Нет так нет, тогда я их с чистой совестью на Шаболовку отправлю, пусть УБОП с ними разбирается. Понял?

– Да понял… Вот же черт! Слушай, а придержать ты их немного не можешь, Андрей? Конечно, девяносто девять процентов, что они вешают тебе лапшу, но мало ли что?

– В общем, так, Леньчик, исключительно из дружеских чувств я их могу закинуть в одно место. Но это конспиративная квартира, и завтра рано утром она уже понадобится моему напарнику. Когда ты сможешь вырваться от своей невесты?

– Сразу после спектакля.

– Хорошо, тогда я беру ключи, везу девок на эту квартиру и жду твоего звонка на «мобильный».

– Ага! Спасибо, Андрей! Я постараюсь побыстрее…

– Да не за что, Леньчик. Надеюсь, когда ваша контора возьмется за МУР, мне это зачтется. Пока.

3

Начальник УБТ Локтионов не скрывал своих чувств:

– А все эти ваши либеральные подходы! Распустили, понимаешь, подчиненных, развели бардак! В кабинетах на стенах – бабы голые, в сейфах – коньяк! Сто раз вам говорил, Валерий Иванович, затяните наконец гайки, примите меры, а вы – все в порядке, все хорошо… Дождались, пока клюнул жареный петух?

Говоря все это, начальник Управления по борьбе с терроризмом обращался исключительно к своему заму – генералу Максимову. Сидящего на заднем сиденье машины рядом с ним Логинова Локтионов не замечал в упор. Как будто Виктора в машине и не было вовсе.

После перенесенного не так давно инфаркта Локтионов бросил курить. Об этом знали все и в присутствии шефа старались даже не вытаскивать сигареты. Тем удивительнее было, когда Локтионов наконец перевел взгляд на Виктора и негромко сказал:

– Логинов, ты что куришь?

– «21-й век».

– Облегченные хоть?

– Нет, обычные. «Полный вкус»…

– Черт с ним, давай.

Виктор безропотно протянул шефу пачку, водитель услужливо щелкнул прикуривателем. Локтионов неглубоко затянулся, посмотрел на тлеющий кончик

сигареты и вздохнул:

– Какая гадость… Короче, так. Ты, Логинов, о представлении на звание полковника забудь. А ты, Валерий Иванович, готовься к выговору. Это как минимум. И не вякайте там, язык держите за зубами. Посмотрим на месте, что к чему, и я сам попробую с милицейскими договориться…

– Боюсь, не получится, – вздохнул Максимов. – Менты такое дело на тормозах спускать ни за что не станут. Наоборот, постараются вой поднять до небес.

– Получится – не получится, а попробовать стоит, – затянулся Локтионов. – Нам такое пятно на управление ни к чему.

– Приехали, товарищ генерал! – негромко доложил водитель, мягко останавливая машину. – Или попытаться поближе подъехать?

– Да нет, – повернул голову Локтионов. – Так нормально. Жди здесь. – Напоследок еще дважды затянувшись, шеф УБТ поспешно затушил окурок в пепельнице и скомандовал: – Все. Пошли, орлы. И помните, что я вам сказал…

4

– Ну как тебе спектакль, Леня? – спросила Валерия, повиснув у Аникеева на руке. – Басков был просто великолепен! Да?

– Что? – быстро спросил Аникеев, думавший совсем о другом. – А, да-да…

– Ты что, не слушаешь меня?

– Нет, что ты? – так же быстро проговорил Аникеев, оглядываясь по сторонам в поисках такси.

Нужно было ловить тачку, пока народ не хлынул из Большого – вот что сейчас занимало Леонида. Валерия обиделась и дернула его за руку:

– Да ты и не смотришь на меня! И вообще – куда ты бежишь? Я же на каблуках! Между прочим, купила эти туфли специально в бутике для сегодняшнего выхода! А ты даже слова не сказал! Еще и в куртку эту свою вырядился…

– Нормальная куртка, – пожал плечами Аникеев.

– Для ночного клуба – да, но для Большого можно было одеть что-нибудь поприличнее, – снова завела свою песню Валерия.

Аникеев тут же отключился – то, о чем говорила его невеста, он сегодня уже слышал – три раза. Большой театр – храм искусства, в него ходят воспитанные люди, которые должны одеваться соответственно, чтобы не выглядеть посмешищем.

Спорить смысла не имело. Валерия была красивой девушкой. И современной – собственного мнения она не имела, и все ее взгляды на жизнь были не чем иным, как стереотипами, навязанными родителями, рекламой и окружением.

Аникеев привык жить своим умом. И на вещи смотрел трезво. И прекрасно понимал, что Большой – это всего лишь обветшалый от времени дом. И ходят в него те, у кого много денег, то есть бывшие барыги, уголовники и фарцовщики. А еще Леониду почему-то казалось, что посмешищем сегодня в Большом выглядел вовсе не он, а как раз Басков…

Не вступая в бесполезный спор, он дотащил возмущенную спутницу до тротуара и махнул таксисту. Пока тот подъезжал, Аникеев повернулся к Валерии и чмокнул ее в щеку:

– К сожалению, не смогу проводить тебя.

– Что?.. Разве мы не едем к тебе? – остолбенела девушка.

– Я не могу, – виновато проговорил Леня. – Работа, сама понимаешь…

– Какая работа, ты же завтра выходной?

– Завтра – да. Но сегодня у меня еще оперативная встреча.

– Ты что, издеваешься? – поджала губы Валерия. – Мы не спали с тобой уже месяц! Я специально для сегодняшнего вечера купила белье…

Такси остановилось у бордюра. Леня быстро распахнул дверцу и увлек девушку к машине, быстро говоря при этом:

– Лера, я сам ужасно соскучился! Ты даже не представляешь как! Но так получилось, работа есть работа. Извини, мне ужасно неудобно. Завтра я тебе позвоню прямо утром, так что у нас будет целый день и мы все успеем! Хорошо? Пока!

В другой ситуации Валерия бы не сдержалась и выложила все, что она о нем в тот момент думала. Но воспитанные люди, особенно те, кто ходит в Большой на Баскова, при таксистах не выражаются.

И она обиженно умолкла. Аникеев же галантно усадил ее в салон, закрыл дверцу и помахал на прощание рукой.

– Я обязательно позвоню! Пока! – крикнул он вслед машине и облегченно вздохнул: – Ф-фух! Пронесло!

Минуту спустя Леня уже звонил Пряхину.

– Алло! – ответил тот.

– Андрей, я уже свободен…

– Это хорошо, – не совсем трезвым голосом ответил тот. – Давай тогда в темпе двигай к нам. Заодно бутылку прихватишь, литровую, а то мы тут «дежурную» уже оприходовали…

– Так они пьяные?

– Такое скажешь, с одной бутылки-то? – хмыкнул Пряхин. – Просто стремались сильно, я и решил для успокоения плеснуть им по дозе. Ну и сам за компанию дернул. А бутылка и кончилась. Так что заскочи в магазин по дороге, а то меня

напарник за «НЗ» завтра убьет…

– Хорошо, – вздохнул Аникеев. – Заскочу. Куда ехать-то?

5

Подходы к подъезду старой пятиэтажки были перекрыты красно-белой лентой, шуршащей на ветру. К дому пропускали только жильцов и то – после тщательной проверки документов и с большой неохотой. Нескольких журналистов и операторов криминальных новостей с камерами вообще оттеснили за ряд гаражей-«черепашек».

Миновав оцепление, Локтионов направился к стоящей у входа в подъезд группе начальствующих лиц. Состояла она из трех милицейских генералов в фуражках с высоченными тульями и нескольких гражданских. В центре группы стоял похожий на лесника замгенпрокурора, одетый в синюю форму с непонятными знаками различия.

Генералы и штатские поздоровались с Локтионовым и Максимовым за руку. После этого зам культурно затушил окурок и сказал:

– Ну что, кажется, все в сборе. Давайте поднимемся, осмотримся на месте.

Начальство гуськом потянулось к входу, следом в подъезд втиснулся Логинов.

Квартира располагалась на втором этаже. Эксперты уже практически закончили работу. С трудом протиснувшись к двери, Виктор заглянул внутрь.

Квартирка была не очень – старой планировки, однокомнатная, обшарпанная, но достаточно просторная. Стоявший в комнате стол с бутылками и закуской был перевернут. Едва слышно пахло пролившейся водкой.

Довершали невеселый натюрморт три трупа. Двух полуголых девиц и молодого мужчины. Все трое были убиты из огнестрельного оружия. Мужчина успел выдернуть из наплечной кобуры табельный пистолет, но не воспользовался им.

Виктор скользнул по трупам профессиональным взглядом и сосредоточил внимание на диване. Там, в углу, лежала уже упакованная в целлофан легкая куртка. Слишком приметная и редкая, чтобы все это могло быть совпадением.

Сине-зеленая куртка с надписью на английском. Эту куртку подчиненному Логинова старшему лейтенанту ФСБ Леониду Аникееву привез из-за границы какой-то однокашник по университету.

6

– Ага, понял, Андрей! Все, жди, я скоро буду! – сказал Аникеев, выслушав объяснения Пряхина.

– Смотри бутылку не забудь!

– Не бойся, не забуду, – успокоил Пряхина Леня и отключился.

Конспиративная квартира располагалась не так уж и далеко от центра, но добираться в тот район все равно было удобнее на метро. Аникеев спрятал «мобильник» и вскоре уже спустился в «подземку».

В отличие от многих своих коллег, он любил метро – за то непередаваемое ощущение, которое Аникеев для себя определял как «публичное одиночество».

Дитя мегаполиса, Леонид не имел возможности, подобно сельскому жителю, часто бывать на природе, приводя в порядок свои нервы и чувства. И Аникеев подсознательно стремился в метро – это и были его «вылазки на природу».

В многоликой толпе подземки никому не было дела друг до друга, все куда-то спешили, бежали по своим делам и существовали как бы в своем измерении. Это и давало возможность побыть наедине с собой и привести в порядок свои мысли. Вот и на этот раз, едва ступив на эскалатор, Леня погрузился в свои мысли.

Сегодняшнее посещение с Валерией Большого театра оставило в душе неприятный осадок. Если совсем начистоту, то Леня с трудом вынес этот поход «в храм искусства». Черчилль как-то сказал, что каждая нация имеет священное право на свой процент идиотов. Раньше Аникеев думал, что идиоты сосредоточены исключительно среди плебса, а элита состоит целиком из умных. Потом пришел к выводу, что процент идиотов везде примерно одинаков – что в бригаде маляров-штукатуров, что среди членов Госсовета.

Сегодняшнее посещение Большого навело на мысль, что среди нынешней так называемой российской элиты идиотов несравненно больше, нежели среди простых россиян. Глядя на жалкого кривляку Баскова, превозносимого до небес, Аникеев с трудом сдерживался, чтобы, подобно мальчику из всем известной сказки, не крикнуть: «А король-то голый!»

Но дело было не в Баскове. Дело было в том, что Аникееву нужно было наконец что-то решать с Валерией. Слов нет, Лера была девушкой хоть куда – чертовски красивой, богатой и умелой в постели. Но они были слишком разными людьми.

Папаша Валерии был процветающим предпринимателем. Не олигархом, конечно, но и не доходягой из среднего бизнеса. Он отлично ориентировался в современной российской действительности, поэтому знакомство дочери с молодым перспективным сотрудником ФСБ воспринял на ура – «крыша» в виде зятя-фээсбэшника в наше время дорогого стоит. Назвать отца Валерии интеллектуалом было нельзя, но он и не претендовал на это. Любимой его присказкой была: «Наше дело – табак» – в том смысле, что его дело двигать бизнес, а со всем остальным пусть разбирается продвинутая молодежь. Подобная позиция вызывала уважение. Если начистоту, то о таком тесте можно было только мечтать.

Но, на беду, у Валерии была еще и мать – внезапно разбогатевшая училка младших классов. А уж эта-то из кожи вон лезла, чтобы «соответствовать» своему «общественному статусу» – то есть свалившемуся как снег на голову богатству. И не только сама лезла, но и дочку изо всех сил заставляла.

Благодаря мамашиным стараниям, Лера все больше напоминала помесь Эллочки-людоедки из «Двенадцати стульев» и Прони Прокоповны из фильма «За двумя зайцами». Перспектива до конца жизни таскаться с недалекой охающей супругой по всяким модным спектаклям, вернисажам и презентациям, помирая со скуки, мало привлекала Леньчика. С другой стороны, Аникеев понимал, что

жена-профессор – это тоже не сахар. А Лера его, кажется, любила по-настоящему.

Что делать со всем этим, Леня за время поездки так и не решил. «Пусть будет как будет», – подумал он и вышел из метро. Пряхин толково объяснил по телефону, как найти нужный дом, так что Аникееву даже не пришлось расспрашивать редких в это позднее время прохожих. Он сразу сориентировался, а по дороге без труда нашел круглосуточный магазин.

Купив литровую бутылку водки, Аникеев с пакетом в руке нырнул во дворы, миновал гудящую бойлерную и через три минуты оказался перед старой пятиэтажкой. За рядом гаражей кто-то выгуливал собаку. Чуть поодаль стояла большая темная машина.

Аникеев двинулся к первому подъезду. В это время из-за угла вынырнул микроавтобус. На миг ослепив Леонида фарами, он повернул и не очень быстро поехал вдоль дома. Ощущение было такое, что водитель пытается в темноте рассмотреть номера домов.

Так оно и оказалось. Едва обогнав посторонившегося Аникеева у самого подъезда, микроавтобус остановился, в окно высунулась голова водителя.

– Извини, друг, а где тут сорок пятый дом, третий корпус?

– Да я сам толком не зна… – подходя к водительской дверце, успел сказать Аникеев.

В это время сзади и сбоку раздался едва слышный звук. В последний момент Леня сообразил, что это отъезжает в сторону дверца микроавтобуса, но оглянуться не успел.

Что-то вроде мешочка с песком ударило его в затылок. На миг перед глазами Аникеева полыхнула яркая вспышка, и он погрузился в темноту…

Следователь Мосгорпрокуратуры, проводивший первичные следственные действия и осмотр квартиры, докладывал начальству:

– Собственно, преступление можно считать раскрытым. Все фигуранты установлены. Потерпевшие Евсеева и Пантюхина имели в паспортах «липовую» регистрацию и занимались в Москве проституцией – постоянные клиентки отдела по защите нравственности. Потерпевший Пряхин является… то есть являлся старшим оперуполномоченным МУРа. Сама квартира, хоть и была оформлена на подставное лицо, тоже являлась собственностью МУРа и уже давно использовалась в качестве конспиративной… Кхм-м. Ну и потерпевший Пряхин, судя по всему, решил ею воспользоваться в личных целях. Кроме упомянутых лиц, так сказать, в застолье принимал участие сотрудник ФСБ, старший лейтенант Аникеев. По ходу застолья у них с Пряхиным, вероятно, возник пьяный спор. Сейчас трудно сказать, кто первый схватился за оружие, но Аникеев явно оказался проворнее. Потом он убил свидетельниц – Евсееву и Пантюхину. И скрылся. Табельный пистолет сбросил в урну у подъезда – вероятно, в расчете имитировать утерю табельного оружия. И пальчики свои попытался стереть, но не везде у него это получилось. А самое главное – он при этом в состоянии аффекта совсем позабыл о куртке. Там мы и обнаружили его документы. Вот вкратце такая картина вырисовывается, товарищ советник юстиции…

На несколько секунд в квартире воцарилась тишина, потом замгенпрокурора оглядел своих спутников:

– Веселое дело, ничего не скажешь, то-то СМИ обрадуются. У кого какие предложения?

Генерал Локтионов посмотрел на следователя:

– А откуда такая уверенность, что стрелял именно Аникеев?

– Эксперты уже сличили отпечатки на «стволе» с отпечатками на личных вещах и документах Аникеева. Все «в елочку»…

– А пистолет точно Аникеева? – ухватился за последнюю надежду Локтионов. – Вы ничего не перепутали?

– Обижаете, товарищ генерал. Подобранные в квартире гильзы эксперт «пробил» по картотеке. Слава богу, Интернет теперь и у нас есть, вон ноутбук с собой возим… Все сходится. Но окончательные выводы, конечно, делать пока еще рано. Я хочу сказать, что действия Аникеева вполне могут быть переквалифицированы как превышение пределов необходимой обороны. Но только в эпизоде с Пряхиным, конечно…

– Это еще почему? – быстро спросил кто-то из милицейских.

– На левом виске Пряхина имеется большая характерная ссадина, как от удара кулаком. Навряд ли она могла быть получена при падении тела. Из этого следует, что перестрелке предшествовала драка. А раз так, то за оружие первым схватился именно Пряхин.

– Это почему? – снова спросил милицейский генерал.

– Потому что бить правой рукой и одновременно держать в ней оружие затруднительно, – сказал замгенпрокурора. – Но чего гадать на кофейной гуще? Сейчас главное – задержать подозреваемого, а там все станет на свои места… Аникеева в розыск уже объявили?

– Официально – пока нет, но ориентировки переданы.

– Ну что же, – пожал плечами замгенпрокурора. – Теперь он долго не пробегает. А раз так, то я, прежде чем принять окончательное решение, хотел бы еще раз уточнить позиции, так сказать, заинтересованных сторон. В принципе, я склоняюсь к тому, чтобы засекретить все материалы следствия. В семье, как говорится, не без урода. Зачем бросать тень на все правоохранительные органы? Правильно?

Все дружно закивали.

– Но на это я пойду только при одном условии…

– Каком? – быстро спросил милицейский генерал без фуражки.

– Каком? – повторил за ним Локтионов.

– Простом, – по очереди посмотрел на них замгенпрокурора. – Дело ясное как день. По-моему, в этом все убедились. А раз так, то я хочу получить гарантии, что в дальнейшем ни вы, ни вы, в силу ведомственных интересов, не попытаетесь ставить палки в ход следствия, тем более оказывать на него нажим. Никаких подковерных интриг. Прокуратура ведет дело, а ФСБ и МВД оказывают ей необходимое содействие, как и положено по закону. И не более того.

– Ну что же, – снова отер со лба пот милицейский генерал. – Это очень разумное предложение. Если наши, так сказать, визави не будут интриговать, мы, со своей стороны, готовы полностью довериться прокуратуре и оказать всяческое содействие…

– Так, – удовлетворенно кивнул замгенпрокурора и перевел взгляд на Локтионова. – А вы что скажете?

Локтионов хмуро покосился на Максимова и нехотя проговорил:

– Ну что же, дело, кажется, действительно ясное. Поэтому мы тоже не будем, как выразился наш коллега, интриговать.

– А также настаивать на содержании задержанного в следственном изоляторе ФСБ, – продолжил замгенпрокурора. – И если случится так, что Аникеева задержат именно ваши сотрудники, вы тут же передадите его в распоряжение следователя. Я вас правильно понял, генерал?

Локтионов вздохнул и с тяжелым сердцем хотел было дать утвердительный ответ, но не успел.

– Подождите, Олег Николаевич! – почти вскрикнул Логинов и решительно шагнул в комнату, грубо отстранив какого-то милицейского генерала. – Этого нельзя делать! Если Аникеева «закроют» в обычном СИЗО, он там и суток не проживет!

– Так… – растерянно моргнул на Виктора замгенпрокурора. – А это, простите, что еще за явление?

Небритый и наспех сорвавшийся из дома Логинов и впрямь выглядел не очень, особенно на фоне лощеных генералов.

– Это подполковник Логинов, непосредственный начальник Аникеева, – быстро сказал Локтионов и повернулся к Виктору: – Подполковник, немедленно покиньте квартиру и ожидайте меня внизу. Я с вами потом поговорю!

– Да поздно будет потом, Олег Николаевич! Нельзя вот так с бухты-барахты сдавать Аникеева! Я знаю его не один год, тут что-то нечисто! А если мы передадим его следствию, то…

– Подполковник! – рявкнул Локтионов. – Немедленно покиньте квартиру!

– Да не мог Аникеев этого сделать, как вы не поймете! И с проститутками он не стал бы иметь никаких дел!

Настойчивость Логинова произвела впечатление на замгенпрокурора, и он вдруг поднял руку, предупреждая грозный рык, готовый в третий раз сорваться с уст генерала Локтионова, и спросил:

– А почему вы так уверены, подполковник, что ваш подчиненный не стал бы иметь дела с проститутками, а?

– Да потому что у него другие интересы! И моральный облик! Понимаете?..

В этот миг у Логинова в кармане громко запиликал «мобильник». Еще из дома и по дороге на работу он несколько раз пытался дозвониться до Клавы, чтобы сообщить ей о спешном вызове. Но та, видимо, сразу после разговора с Виктором отключила свой телефон. Так что предупредить ее Виктор не смог.

Внезапный звонок Клавы пришелся совсем некстати. Виктор поспешно выхватил телефон, буркнул: «Я позже перезвоню!» – и попытался его отключить. Только в горячке он засуетился и выронил «мобильник» на пол.

Черная трубка стукнулась о деревянный пол, перекувыркнулась и скользнула между ног зам– генпрокурора к дивану. Телефон у Виктора был дорогой, качественный, аккумуляторы свежие…

Поэтому разъяренный голос Клавы смогли расслышать почти все в комнате:

– Логинов! Я собиралась сделать тебе, скотине, минет прямо в прихожей! Но ты, подлец, опять куда-то смылся, несмотря на мое предупреждение! Так знай: я сейчас же хватаю первого попавшегося мужика и трахаюсь с ним прямо в машине во все щели! До изнеможения! И заглатываю его член по самые помидоры! Знай об этом!

У замгенпрокурора глаза полезли на лоб. Потный милицейский генерал приглушенно хрюкнул. Локтионов буквально позеленел.

Виктор же поспешно бросился к телефону со словами:

– Извините, извините…

Замгенпрокурора посторонился, Виктор схватил злосчастный телефон, но было уже поздно – Клава успела выплеснуть свою злобу и отключилась. Виктор, красный как рак, выпрямился и сказал, ни к кому персонально не обращаясь:

– Это не то, что вы думаете…

– Вот это да, – провел платком по потному лбу милицейский генерал. – По самые помидоры, кхм-м…

– Да уж, – покачал головой зам. – С моральным обликом ваших сотрудников, Олег Николаевич, мы, кажется, разобрались. Так что теперь скажете?

– Да это не то, что вы думаете!.. – предпринял отчаянную попытку объясниться Логинов.

Однако его уже никто не слушал. Локтионов отчеканил:

– Подполковник, ждите внизу! Валерий Иванович, я назначаю служебное расследование и вплоть до окончания следствия по этому делу отстраняю Логинова и членов его группы от выполнения служебных обязанностей. Проследите, чтобы подполковник еще до обеда сдал табельное оружие и удостоверение в канцелярию…

8

Очнулся Аникеев от того, что услышал где-то за стенкой голос радиоведущего:

– В Москве три часа ночи!

Следом из динамика полетели звуки аккордеона. Леня сразу узнал «наш ответ „Ингрид“» – песню Маши Ржевской «Когда я стану кошкой». Но песня не радовала – голова просто раскалывалась, во рту ощущался какой-то мерзкий привкус.

«Неужели я так упился?» – удивленно подумал Аникеев и с трудом приоткрыл глаза. Увидел он слабо освещенный салон микроавтобуса, но удивиться этому не успел.

– О, клиент очнулся, а ты говорил, что я перестарался! – сказал кто-то.

Над Аникеевым склонились два человека. Выражение их лиц Лене не понравилось, и он попытался резко подняться. И только тут обнаружил, что его руки связаны скотчем.

– Тихо, тихо! – сказал один из незнакомцев и без труда удержал Аникеева в лежачем положении.

На бандита он был не похож – одет не так и лицо поумнее. Но лицо жесткое и взгляд с прищуром. Аникееву этот взгляд понравился еще меньше, чем само лицо. И он на всякий случай решил представиться:

– Старший лейтенант Аникеев, ФСБ!

– Гляди-ка, помнит… – засмеялся второй незнакомец. – Не все мозги ты ему отбил.

– Учись, пока я жив, – спокойно сказал тот, что держал Аникеева.

У Леньчика по спине пробежали мурашки. Он привык к совершенно другой реакции на сообщение, что является офицером спецслужбы.

– Вы кто? – быстро спросил он, ощущая тупую боль в голове. – И что все это значит?

– Мы-то? Мы, Аникеев, из бюро добрых услуг.

– Из какого еще бюро?

– Из того, – сказал второй, появившись в поле зрения с бутылкой водки, – которое помогает заблудшим решать их проблемы. Натворил ты делов, Леня, на конспиративной квартире…

– Каких еще делов? На какой квартире?

– Как на какой? На которую ездил.

– А куда я ездил? – тупо спросил Аникеев.

– Что, не помнишь?

– Н-нет…

– Здорово… – пробормотал тип с бутылкой. – Так у тебя, оказывается, еще и амнезия. Ну ничего, это даже к лучшему. Мы тебе сейчас поможем. Открывай рот.

– Что вы хотите делать? – дернулся Аникеев.

– Как что? Залить муки твоей совести водкой. А ну-ка, приподними его.

– Прекратите немедленно!!! – крикнул Леня и тут же получил короткий, расчетливый удар.

Пока он приходил в себя, его прислонили к стенке, зажали нос и принялись наливать водкой. Аникеев попытался отплевываться, но это не помогло. Его ударили еще раз и в конце концов заставили заглотить почти всю поллитровку. Часть водки, конечно, расплескалась, но все равно выпил Аникеев не меньше трехсот граммов. На голодный желудок, без закуски, с больной головой…

Опьянел он почти мгновенно. И с трудом проворочал языком:

– Это вам так просто с рук не сойдет…

– Еще как сойдет! – хмыкнул тот, который держал Леньчика.

– Ну что, потащили его? – спросил второй.

– Рано еще. Пусть дойдет до кондиции.

– Так на дне и дойдет! – хмыкнул второй.

– На дне не дойдет. Алкоголь должен всосаться в кровь. Чтоб анализ показал, что он был пьян. А так фигня получится – в желудке алкоголь, а клиент трезвый. Подозрительно… Усек?

– Усек. Так что, курим?

– Курим, минут двадцать. Нам спешить некуда…

9

– Шеф, что случилось?

Капитан Степан Горов, тридцати лет, крепкий, черноволосый, с чуть простоватым славянским лицом, столкнулся с Логиновым у двери канцелярии.

– Иди, Степа, сдавай оружие и «ксиву», потом расскажу… – обреченно махнул рукой Виктор.

Горов нахмурился, быстро оглянулся по сторонам и понизил голос до полушепота:

– Это как-то связано с делом «Призрака спецназа»?

– Нет, Степа. Иди, я тебе потом все расскажу.

С формальностями Горов управился быстро, после чего они с Логиновым покинули через боковой вход здание ФСБ на Лубянке – уже не как сотрудники, а как рядовые посетители – по разовым пропускам.

У Горова машины не было, а свою Логинов с вечера оставил на стоянке. Поэтому они двинулись пешком. По дороге Логинов прикурил сигарету и кратко изложил Горову события.

– Да ну, это чистая подстава! Леньчик на такое не способен!

– Я тоже так думаю, – подвел итог Логинов, останавливаясь у входа в метро. – Только вот если Леньчик попадет в обычный СИЗО, выяснить, что же произошло на самом деле, мы навряд ли сможем: его наверняка прикончат из мести менты или уголовники, а следствие закроют за фактом гибели подозреваемого, списав все на несчастный случай или самоубийство.

– Значит, надо сделать так, чтобы его обязательно поместили в наш изолятор в Лефортово!

– Не получится, – покачал головой Логинов. – Замгенпрокурора загнал Локтионова в угол. И тому ничего не оставалось, как заключить сделку – прокуратура цепляет на материалы гриф секретности, а контора не предпринимает ничего в пику следствию.

– Короче, Леньчика сдали? С потрохами?

– Вроде того, – кивнул Логинов. – Хотя Локтионова можно понять – все улики в масть. А Леньчик пропал.

– И что будем делать?

– А сделать здесь можно только одно, Степа. Найти Леньчика первыми и поговорить с ним. Если он, конечно, еще жив…

– Вы думаете… – нахмурился Горов.

– Да, – кивнул Виктор, глубоко затягиваясь и как бы невзначай оглядываясь. – Дело это пахнет очень хреново. Очень, Степа. Настолько, что увидеть Леньчика в живых нам, может, уже и не доведется. Ты с ним в спарринге давно работал?

– А при чем тут это?

– Я спрашиваю, – снова оглядываясь, повторил Логинов, – ты с ним в спарринге давно работал?

– На прошлой неделе, кажется, – пожал плечами Горов. – Слабак, с ним еще возиться и возиться. Один раз меня только и достал, слева.

– В том-то и дело, – кивнул Логинов.

– В чем?

– В том, что Аникеев левша. Мне на месте, правда, не дали как следует осмотреться, но убитого опера с Петровки, прежде чем убить, как следует приложили в висок. Левый. Кровоподтек там будь здоров. Леньчик на такой удар не способен, тем более правой рукой.

– Вы хотите сказать…

– Я хочу сказать, Степа, что в квартире был кто-то еще. И вот этого-то товарища нам и нужно искать. Проблема в том, что, если Леньчик мертв, найти нам его навряд ли удастся. Тот тип был слишком осторожен и не оставил следов.

– И что вы предлагаете? – упавшим голосом спросил Степан.

– Для начала неплохо бы оторваться от «хвоста», – сказал Виктор. – Нас ведут двумя «бригадами». Да не дергайся ты! Мужик с газетой раз, тетка с баулом два, студент в бейсболке три. И синяя «пятерка». Остальных я пока не вычислил.

– Думаете, наши? – спросил Степан, медленно поворачивая голову.

– Нет. Не тот класс. Наших бы пришлось вычислять полдня. Это Петровка, Степа. Ай-да следователь, ай-да сукин сын. Прочувствовал, что мы попытаемся выйти на Леньчика сами, и организовал «наружку»… Короче, Степан, – сказал Виктор, поворачиваясь так, чтобы сказанное нельзя было прочитать по губам. – Сейчас мы спускаемся в метро и, как птицы, садимся на разные ветки. И вроде бы невзначай отрываемся от наружки в переходах. Встречаемся… скажем, через пару часов на площади Марины Расковой. В сквере, за которым строят высотный дом. Все понял? Тогда пока. Постарайся не задерживаться…

10

Быстро опьяневший Леньчик прикрыл глаза. Голоса доносились, как сквозь вату. Ему стало хорошо, и он бы, наверное, отключился. Только вот разговор его странных знакомых полоснул по затухающему сознанию бритвой.

Все это казалось кошмаром или глупым розыгрышем, но разговор не оставлял сомнений в том, что незнакомцы из «бюро добрых услуг» собираются помочь ему расстаться с жизнью.

Самое дикое заключалось в том, что Аникеев представления не имел, как он тут оказался и что с ним вообще произошло. Он помнил только, что накануне вечером собирался то ли на свидание, то ли к кому-то в гости…

«Погулял!» – зло подумал Аникеев и усилием воли стряхнул с себя хмель. Удивительно было, но он протрезвел практически мгновенно и окончательно. Лошадиная доза водки продолжала всасываться в кровь, но инстинкт самосохранения был сильнее алкоголя и полностью блокировал его действие.

«Теперь главное не выдать себя!» – пронеслось в голове у Аникеева. Он продолжил находиться все в той же расслабленной позе, но впечатление было обманчиво. В любую секунду Аникеев был готов взорваться и вступить в отчаянную схватку за свою жизнь.

Но слишком неравными были силы. Двое в салоне плюс водитель, которого заставили выключить приемник и пойти осмотреться. А Аникеев был еще и связан.

«Спокойно!» – сказал он себе и только тут вдруг вспомнил о табельном пистолете. Привычной тяжести в наплечной кобуре не ощущалось. Значит, его разоружили.

Положение казалось безвыходным. Боевой опыт Аникеева был невелик, и он вдруг вспомнил о капитане Горове. Уж тот-то не терялся никогда.

«Что сделал бы на моем месте Горов?» – быстро подумал Леньчик. Гадать не приходилось – Горов бы из положения полулежа сперва вырубил ногой одного противника, а потом в прыжке достал бы другого. И тому бы тоже мало не показалось…

План был, конечно, хороший, но капитан Горов был рукопашником от бога. О способностях же Аникеева он отзывался так: «С твоими припрыжками, Леньчик, не в спарринге рубиться, а на подтанцовке где-нибудь скакать – у Леонтьева, например, только на заднем плане…»

Но так просто сдаваться Аникеев не собирался. В запасе у него было двадцать минут, за которые он успел перебрать множество вариантов спасения. И решил, что будет прикидываться пьяным до конца. То есть до того самого момента, когда ему освободят руки – а сделать это должны были обязательно, поскольку речь явно шла об имитации самоубийства…

В метро Логинов не был давно, уже и сам не помнил когда. Отстояв со Степаном приличную очередь к окошку, он не очень ловко сунул купленную карточку в прорезь, миновал турникеты и спустился на подрагивающем эскалаторе.

Здесь они со Степаном немного картинно распрощались и разошлись в разные стороны. «Студент» в бейсболке и «тетка» с баулом двинулись за Горовым. «Мужик» с газетой с индифферентным видом встал у колонны. Второго «топтуна» Виктор пока не засек.

Из тоннеля пахнуло теплым воздухом, донесся нарастающий вой поезда, стену подземки осветил луч прожектора. Народ дружно подался к краю перрона.

Выгрузка и посадка заняли несколько секунд. Виктор встал на средней площадке вагона у нерабочей двери. «Мужик» с газетой с трудом втиснулся в переднюю дверь.

Народа было много. Какая-то женщина упирала Виктору локоть в бок, с другой стороны стоял парень с плейером. Виктор хорошо слышал доносящиеся из наушников слова песни: «Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино… Мы как птицы садимся на разные ветки, мы засыпаем в метро…»

«Бывает же такое», – подумал Виктор, с подозрением присматриваясь к парню. Впрочем, подозрения оказались напрасными. Любитель песен «Високосного года» был явно не при делах. Он вышел уже на следующей станции.

Виктор проводил его взглядом и повернул голову к задней площадке. При этом молоденькая девчушка, одетая по тинейджерской моде, слишком поспешно отвела в сторону глаза и этим выдала себя.

«Ну и ну!» – оторопел Виктор. Ему и в голову бы не пришло, что какая-то нимфетка, с виду – ярая поклонница творчества «татушек», может служить «топтуном», вернее, «топтуншей» в МУРе.

Логинов в сердцах выматерил себя. И заставил мобилизоваться. Работая начальником группы, он явно подрастерял оперативные навыки. Эпизод с муровской «нимфеткой» красноречиво свидетельствовал об этом. Не выдай она себя так глупо, Виктор и дальше хлопал бы ушами, тупо глядя по сторонам.

Во время учебы в Лесном институте имени Ю.В. Андропова, ныне Академии ФСБ, Логинов провел многие часы в практических занятиях по методам наружного наблюдения. И контрнаблюдения. Сейчас было самое время вспомнить подзабытые навыки.

За десять минут Виктор окончательно убедился, что «топтунов» двое. Работали они явно без подстраховки, что существенно упрощало «отрыв». Для этого Виктор наметил станцию «Белорусская». В ее бесконечных переходах было легко «потеряться», причем так, что у «топтунов» не должно было возникнуть подозрения о преднамеренности случившегося.

«Отрыв» Виктор разыграл как по нотам. Вместе с толпой ринулся в крайнюю арку перехода. «Топтунам» ничего не оставалось, как сблизиться и вдвоем протискиваться по одной и той же лестнице следом за Логиновым. А он, воспользовавшись форой, метнулся влево и вернулся по крайнему переходу обратно.

Оставив таким образом муровских «топтунов» с носом, Виктор сел на поезд Замоскворецкой линии. Вышел он на всякий случай не на «Динамо», а на станции «Аэропорт». И уже отсюда отправился за своей машиной.

Жил Виктор на Ленинградском проспекте, неподалеку от ресторана «Яръ». Большинство жителей этого района на ночь оставляло свои машины на улице. Виктор же, в силу частых и неожиданных командировок, позволить себе такой роскоши не мог. Поэтому ставил он свою «девятку» на охраняемой стоянке, до которой от дома было около десяти минут хода.

В данном случае это неудобство обернулось на пользу Виктору. Даже если муровская «наружка» уже пыталась снова засечь его, то взять под контроль они первым делом должны были подходы к дому Логинова.

По дороге на стоянку Виктор на всякий случай пару раз проверился. «Хвоста» не было. Настроение у него заметно улучшилось – хоть и давно не занимался он активной оперативной деятельностью, но школа имени Андропова – это выучка на всю жизнь. Умели учить Абель сотоварищи, знали свое дело, что бы о них теперь ни говорили…

«Девятка» стояла на парковке, можно сказать, в гордом одиночестве. Остальных автовладельцев уже засосал и завертел в своей суете огромный механизм мегаполиса. Они уже стояли в пробках, пили где-то кофе, ругались, уродовались на работе и встречались с любовницами.

Виктор в одночасье лишился и работы, и любовницы. По прихоти судьбы или по чьей-то злой воле. Закон мегаполиса жесток, один человек для него ничто – песчинка. Даже если этот человек – подполковник ФСБ. Мегаполис перемалывал и генералов.

Только Логинов был не из тех, кто пасовал перед обстоятельствами и сдавался. Всякое случалось в его жизни. Но главное, что в ней было, – это «Альфа». В ней Виктор прошел свои университеты, не раз смотрел в глаза смерти и получил закалку на всю жизнь.

Бывших «альфовцев» не бывает. Потому что «Альфа» была не просто спецподразделением, в которое набирали лыжников и «качков». «Альфа» – та «Альфа», которую разогнал Ельцин, – была собрана из людей, для которых понятие «офицерская честь» было не пустым звуком. А уж о профессиональных качествах ветеранов группы «А» и говорить не приходилось.

При проведении спецопераций той легендарной «Альфы» не погиб ни один заложник. И дважды – в 91-м и 93-м годах офицеры той «Альфы» своим отказом штурмовать Белый дом предотвращали погружение страны в пучину братоубийственной войны и хаоса – одного этого вполне достаточно, чтобы это элитное подразделение навсегда вошло в отечественную историю как символ верности своему народу и образец воинской чести. Та разогнанная Ельциным «Альфа» так и осталась непобежденной – потому что не позволила политиканам замарать свое знамя.

И Логинов, оставшийся «альфовцем», не собирался пасовать и сейчас. Честь офицера не позволяла ему бросить в беде подчиненного. А если уж Аникеева спасти было нельзя, то Виктор собирался сделать все, чтобы восстановить его доброе имя. О последствиях лично для себя Виктор не задумывался – как не задумывались о последствиях для своей карьеры «альфовцы» в 91-м и 93-м. Они просто поступали по совести… И Виктор сейчас поступал точно так же.

– Ну что, пошли? – спросил второй незнакомец.

Первый посмотрел на часы и кивнул:

– Пошли. Эй, Леня, подъем!

Аникеев вполне натурально изобразил пробуждение и даже икнул:

– Пш-шли в-вон! Я спа-ать хочу!

Незнакомцы с улыбкой переглянулись:

– Так мы тебя на кроватку отведем! И будешь баиньки! Вставай!

Видимо, состояние Аникеева не внушало конвоирам никаких опасений, и они быстро сняли скотч.

Это оказалось как нельзя более кстати – руки затекли и не слушались. А так по дороге Аникеев смог незаметно размять их.

Вели его без особых предосторожностей – второй незнакомец просто закинул руку Лени себе на плечо и обхватил туловище. Первый же выбрался из салона и негромко спросил у водителя, как обстановка.

– Никого, – недовольно ответил тот. – Это летом тут рыбаков куча. А когда воду сбрасывают, какой дурак сюда попрется… Хоть шаром покати.

– Всяко бывает, – сказал первый. – Посматривай тут. Мы скоро.

– Ага, – без энтузиазма ответил водитель.

Аникеев из этого разговора уяснил, что водитель останется у микроавтобуса, а раз так, то противников будет только двое. Но оба были на полголовы выше

Лени и значительно шире в плечах.

Еще больше Аникееву не понравилось то, что он увидел, когда первый незнакомец выбирался из салона. Штаны у него были с лампасами! Судя по всему, под застегнутой до горла свободной спортивной курткой этот человек прятал милицейскую форму.

Настоящий это мент или «ряженый», раздумывать было некогда, но Аникеев окончательно понял, что впутался он во что-то очень и очень серьезное. А он даже представления не имел, во что…

Микроавтобус стоял в какой-то рощице. Место было гиблое – ни одного огонька в округе.

Вскоре они выбрались из рощи. Глаза Аникеева успели привыкнуть к темноте.

Впереди светлела стена камышей. За ней – шум бурлящей воды.

Не доходя до камышей, они повернули и двинулись к невысокой насыпи. Небо за ней было светлым. Леня сообразил, что это зарево Москвы. Но до города было далеко, километров двадцать-тридцать.

Еще до того, как троица добралась до насыпи, где-то неподалеку за посадкой прогромыхал по мосту поезд. Его звук быстро затих, зато шум воды с каждой секундой становился все громче. Наконец проглянула небольшая дамба…

Аникеев окончательно уяснил, что его ждет. И собрался с силами. Первым на насыпь взобрался тип в штанах с лампасами. Оглянувшись по сторонам, он удовлетворенно хмыкнул и сбежал вниз.

– Давай, Леня, последний подъемчик – и мы дома!

С этими словами тип в ментовских штанах закинул вторую руку Аникеева себе на плечо. Вдвоем с напарником они довольно легко втащили Леню наверх.

Здесь «лампасный» снова оглянулся по сторонам и вдруг выругался:

– Вот бля! Несет кого-то!

Второй повернул голову. Вдали в ночном небе метались неяркие столбы фар.

– Легковушка какая-то! Фигня! Успеем…

– Точно? Может, переждем? – засомневался «лампасный».

– Да она далеко! Километра четыре, а там еще переезд.

– Ну тогда пошли! – решительно сказал «лампасный».

По дамбе проходила дорога. По обе стороны ее возвышалось невысокое ограждение. Дамба перекрывала какой-то канал, но сейчас сливные отверстия в ее основании были открыты. Вода двумя огромными пенными бурунами падала вниз.

Вероятно, по причине засушливого лета уровень нижнего водоема упал до минимума. Из-за этого два пенных буруна падали не непосредственно в воду, а на обнажившееся бетонное основание дамбы.

У Лени даже мороз по коже пробежал, когда он представил, что ему уготовили незнакомцы. Конечно, дамба была не Днепрогэсом – от верха до ее основания было всего-то метров пять-шесть. Но даже с такой высоты при падении на бетон – смерть.

Леня понял, что медлить дальше – чистое самоубийство, и приготовился. Когда до сливных отверстий осталась пара метров, он «вдруг» приподнял голову и пьяным голосом промычал:

– Д-дай я тя поцелую, скотину!..

Пьяная фраза вызвала у конвоиров только смешок. И слабое, как показалось, движение Леньчика их не насторожило. А тот вдруг рывком снял руку с плеча второго, всем корпусом развернулся к «лампасному» и неожиданно вонзил ему в пах свою коленку.

«Лампасный» засипел от боли и присел, а его напарник, ухватив Леньчика за шиворот, спросил:

– Эй, ты чего?..

Аникеев же времени не терял. Резко повернувшись ко второму, он левой рукой ухватил противника за рукав правой руки – той самой, которой тот держал Леню за шиворот.

Аникеев отнюдь не собирался освобождаться от захвата. Но противник этого не знал и чисто инстинктивно сжал правый кулак покрепче, а левый отвел для удара. И подставился под «запрыжку»…

13

Опустившись на водительское сиденье «девятки», Виктор запустил движок и по привычке переложил «мобильник» в углубление у рычага переключения передач. Он очень надеялся, что затерявшийся в безжалостном мегаполисе Леня Аникеев все же выйдет на связь и облегчит Виктору задачу по своему спасению.

Он так надеялся на это, что даже вдруг решил проверить работу телефона – вдруг он повредился при падении, – а заодно перезвонить Клаве и попытаться все-таки объясниться.

Тут Виктора поджидал еще один жестокий удар. «Мобильник» оказался заблокированным. Полностью. Телефон был служебный, и у Виктора шевельнулось нехорошее предчувствие.

Навряд ли кто-либо из канцелярии УБТ решился сэкономить таким образом пару-тройку бюджетных сотен. Наверняка тут было что-то другое. Скорее всего, номер «переключили» на другой телефон. У которого неотлучно бдил сотрудник ФСБ, готовый ответить на звонок Аникеева.

Логинов от бессилия стукнул кулаком по рулю. Лишиться защищенного от прослушивания канала связи – и в этом ничего хорошего не было. Но гораздо

хуже было то, что палки в колеса ему ставила родная контора.

Виктор прикурил сигарету и резко тронулся с места. Нужно было действовать как можно скорее, чтобы у Леньчика остался хоть какой-то шанс выбраться из этой истории живым.

Миновав шлагбаум, Виктор кивком попрощался с охранником и направил «девятку» параллельно Ленинградскому проспекту. На небольшом перекрестке он притормозил, дождался «зеленого» и едва успел тронуться, как в крыло «девятки» хромированным бампером въехал огромный джип «Чероки».

В последний момент Виктор попытался затормозить, но избежать столкновения не смог. Слишком уж неожиданно все произошло – он так и не понял, откуда выскочил этот чертов «Чероки». Впрочем, водитель джипа тоже успел нажать на тормоза, так что столкновение получилось не очень сильным, без членовредительства. Но правое крыло «девятки» все равно сложилось в «гармошку» и заклинило колесо.

Вне себя от злости, Виктор распахнул водительскую дверцу и выскочил на проезжую часть. Обе передние дверцы джипа тоже распахнулись.

«Братки, наверное, – промелькнуло в голове у Виктора, – ничего, сейчас разберемся…» Даже оставшись без табельного оружия и фээсбэшной «ксивы», Виктор не боялся встречи с самыми «отвязными» «быками». Бояться следовало «быкам»…

14

«Запрыжка» или болевой прием на локтевой сустав со стойки – весьма эффективное техническое действие из арсенала джиу-джитсу. Но весьма травмоопасное – прежде всего для самого атакующего. Ввиду этого «запрыжку» крайне редко применяют как на соревнованиях, так и в реальной схватке.

Иногда ее, правда, демонстрируют на показательных выступлениях десантники, но в таком виде, в котором провести этот прием без «поддавки» со стороны

противника практически нереально.

На дамбе же все происходило всерьез, так что «запрыжка» была единственным шансом Аникеева на спасение. Вытянув правую руку и зафиксировав ее на шивороте Лени, противник облегчил задачу Аникеева до безобразия.

Этот прием тем и коварен, что защищающийся своими инстинктивными действиями работает на нападающего. Аникеев, вцепившись и правой рукой в рукав противника, вдруг прыгнул на него – вверх ногами. Промежность Лени вдруг оказалась под мышкой у противника, а тело маятником качнулось по дуге…

Это был самый опасный момент. Если бы противник просто расслабился и наклонился, Аникеев мог легко и просто свернуть себе шею. Но так устроен человек, что любое действие противника он старается заблокировать. И противник Аникеева тоже инстинктивно напряг мышцы, стараясь не поддаться на неожиданный рывок.

Это-то и было его ошибкой – он сам создал рычаг, который секунду спустя опрокинул его на спину. Будь на его месте даже полуторатонный сумоист, то и он навряд ли устоял бы на ногах. Качнувшееся по дуге тело Аникеева представляло груз, а рука противника выполняла роль усиливающего рычага.

Противник рухнул на спину. Леньчик же легко приземлился на ягодицы. Рука контуженного противника была зажата между его ног. Аникеев просто резко подался назад и с треском сломал его локтевой сустав.

Над дамбой разнесся жуткий крик. Аникеев же поспешно вскочил на ноги – и очень вовремя. «Лампасный» уже смог разогнуться и вытаскивал из-под куртки пистолет.

Леньчик в отчаянии метнулся к нему, собираясь с ходу нанести удар в голову. Но «лампасный» уже пришел в себя и ловко выставил навстречу ногу. От удара Аникеев увернулся, но время потерял. «Лампасный» уже снял пистолет с предохранителя…

Он не стал гадать, есть ли у него в патроннике патрон. Аникеев быстро оглянулся и мгновенно сообразил, что и убежать по мосту не сможет.

«Лампасный» навел на него пистолет:

– Повыдергивался, и будет! А теперь быстро на колени… Ну!

Аникеев понимал, что стрелять «лампасному» не с руки – тогда вся комедия с «самоубийством» потеряет смысл. И он решил потянуть время – ведь где-то за его спиной к дамбе приближалась легковая машина.

– Только не стреляйте! Опустите пистолет и отойдите на два шага! И я встану…

«Лампасный» на уловку не поддался.

– Короче, Леня! Считаю до трех! Или ты становишься на колени, или я дырявлю тебя в живот! Не знаешь, как это больно? А я знаю… Раз! Два!..

15

Из-за водительской дверцы «Чероки» вынырнул мордоворот под два метра ростом. Но без бейсбольной биты и слишком прилично одетый для «быка». Его словно вытесанная из грубого камня физиономия не выражала угрозы, скорее наоборот – даже слегка вытянулась от досады.

– Вот же блин! – выдохнул водила, поднимая руку к стриженому затылку и направляясь к передку джипа. – Извини, земляк, я тебя не заметил. Думал, проскочу на желтый…

– Думать, блин, надо мозгами, а не задницей! – в сердцах сплюнул на асфальт Виктор, но злоба отступила.

В этот миг от пассажирской дверцы вдруг донеслось:

– Оп-па! Ну ты, Игнат, и попал! Ты хоть знаешь, в кого ты въехал? Это же Логинов, не сойти мне с этого места! Ну и ну! Где бы мы с тобой еще встретились, Витя?

Логинов удивленно повернулся. От джипа к нему с распростертыми объятиями направлялся Глеб Красовский.

Глебу было, наверное, уже за сорок, но выглядел он намного моложе своих лет. В неброском, но очень дорогом костюме, сидевшем на нем словно с рождения, в блестящих штиблетах и с безупречной прической, Красовский напоминал героя-любовника из высокобюджетного сериала, к ногам которого падают ниц красотки всех возрастов, рас и оттенков кожи.

Подойдя к Логинову, Глеб порывисто заключил его в свои объятия, потом крепко пожал руку и похлопал по плечу:

– Выглядишь ты, старик, что-то не очень, но я безумно рад тебя видеть.

– Я тоже, – вздохнул Виктор, невольно оглядываясь на искореженное крыло «девятки».

– Да не бери ты в голову! – хлопнул Виктора по плечу Глеб. – Это мы сейчас решим.

– Что решим, эвакуатор вызовем? У меня и так времени нет.

– Да зачем нам эвакуатор, если у нас Игнат есть? Он напартачил, он и отдуваться будет! Слышь, Игнат, в темпе бери монтировку, пока я Логинова держу, и отгибай крыло. А после в темпе отгонишь «девятку» в сервис к нашему автомеханику. И чтоб через два часа машина была как новая! А я пока Логинова подкину куда надо, работа ради такого случая подождет!

– Подожди, ты что собрался делать? – посмотрел на Красовского Виктор.

– Как что? Я же сказал – Игнат твою тачку пока в темпе подрихтует, а мы с тобой прокатимся на моей куда тебе надо. Заодно и молодость вспомним. Да ты не волнуйся, у нас свой автосервис, через два часа Игнат тачку пригонит куда надо, ты ее и не узнаешь… Только доверенность ему черкани на всякий случай.

Логинов быстро посмотрел на часы, потом на искореженную тачку и вдруг спросил:

– А ты сейчас чем занимаешься, Глеб?

– Так по нефтяной части мы, Виктор Павлович, шейхам нашим «черным» прислуживаем, гори они синим огнем. Но платят, сволочи, очень хорошо. Так что не бери дурного в голову, пиши доверенность и поехали куда там тебе надо, заодно расскажешь, как ты, чертяка…

Будь на месте Глеба кто-то другой, Виктор ни за что не согласился бы на такой вариант решения ДТП. Но с Глебом Красовским они вместе учились в Лесном институте имени Ю.В. Андропова. И не только учились, а даже вместе ходили в «самоволки» по девочкам.

16

«Лампасный» явно не шутил. Аникеев понял, что он обязательно выстрелит. И именно в живот – чтобы Леня помучился перед смертью. В отчаянии Аникеев оглянулся.

Машина была еще далеко. Так далеко, что на спасение рассчитывать не приходилось. Леню можно было успеть не только подстрелить, но и убрать с дамбы.

Оглядываясь, Леня скользнул взглядом по нижнему водоему. С того места, где он стоял, бетонного основания видно не было – только пенящийся поток воды. Прикидывать, сможет он прыгнуть так далеко или нет, времени не было. В любом случае, это был его единственный шанс на спасение…

В тот самый момент, когда «лампасный» должен был сказать «три!», Аникеев вдруг метнулся к невысокому ограждению и крикнул:

– Да пошел ты!

По счастью, Лене даже в темноте удалось попасть правой – прыжковой – ногой точно на ограждение и как следует оттолкнуться. Внизу мелькнули белые

пенные буруны, сзади грохнул чуть запоздалый выстрел…

Пуля прошла совсем рядом. Она даже задела его каблук, но он этого не почувствовал. Он был всецело занят тем, чтобы перелететь проклятое бетонное основание – даже руками махал, как птица.

И ему это удалось – его тело «бомбочкой» вошло в воду всего в нескольких сантиметрах за бетонным порогом. Но обрадоваться своей удаче Аникеев не успел. Ледяная вода обожгла его тысячами игл, сразу перехватило дыхание. А бурлящий поток между тем уже переворачивал и тянул на дно.

Отчаянно задергавшись, Аникеев вырвался из ледяных объятий на поверхность. Не успел он судорожно вздохнуть, как сверху раздался крик:

– Вон он!

И тут же грохнул выстрел – один, потом второй. Пули вздыбили воду совсем рядом. Леня хотел нырнуть, но тут увидел прямо перед собой большую бетонную глыбу. Поток нес его прямо на нее…

Аникеев с трудом сгруппировался и выставил вперед ноги. Как раз вовремя – бетонная глыба бросилась прямо на него… Вернее, Леньчик налетел на нее, но успел погасить энергию удара, спружинив ногами.

Сверху снова донесся крик:

– Вон он, у камня!

– Да вижу!

Снова грохнул выстрел, пуля ударила в бетон. Аникеев вытянул вперед руки, собираясь оттолкнуться от глыбы и обогнуть ее. И вдруг нащупал изогнутую толстую арматуру.

Уцепившись в нее, Леня оттолкнулся ногами в сторону. Бурлящий поток подхватил его так быстро, что он даже не успел разжать пальцы. Ноги подбросило вверх, в рот и нос ударила вода, руки скользнули по обросшей

слизью арматуре, и Аникеев вдруг оказался в тихой заводи – за глыбой…

Правда, едва не захлебнулся. Отпустив одну руку, Леонид надсадно откашлялся и только тут вдруг понял, как ему повезло. Глыба практически закрывала его со стороны дамбы. Незнакомцы окончательно потеряли Аникеева из вида.

– Вот блядь, ушел! – рявкнул «лампасный». – А все из-за тебя!

– Да куда он уйдет? – проскулил второй, со сломанной рукой. – Вода восемь градусов от силы. Пять минут – и ему амбец! А выбраться тут можно только через три километра, у второй дамбы!

– Так на хрена я тогда стрелял? – в сердцах бросил «лампасный». – Сказать не мог? Вставай! Пошли докладывать. Ох, и вставит нам шеф пистон…

Аникеев осторожно высунулся. Тип со сломанной рукой стоял на коленях у ограждения. «Лампасный» помог ему подняться, и они, переругиваясь, двинулись прочь…

Леньчик облегченно вздохнул.

17

Глеб Красовский по прозвищу Делон имел не только эффектную внешность. Гораздо более важным, даже можно сказать основополагающим его качеством было обаяние. В этом смысле Красовский был настоящим уникумом. Если мужчины еще кое-как могли сопротивляться его чарам, то женщин Глеб буквально заколдовывал с одного взгляда.

Он был из тех редко встречающихся самцов, увидев которых, любая женщина – будь то невинная школьница или обремененная выводком чад почтенная матрона – превращается в одно большое «Хочу!». И все – бери ее и делай что хочешь…

Надо сказать, это свое качество Глеб осознал довольно рано. В пуританском Советском Союзе его в тринадцать лет лишила невинности… собственная классная руководительница, которая по совместительству была еще и завучем средней школы. Об этом Глеб, смеясь, как-то поведал Логинову на перекуре в Лесном институте с такими подробностями, что Виктор отказался поверить.

Совместная учеба тогда только началась, и Виктор принял Красовского за одного из тех придурков, которые, будучи в сексуальном смысле закомплексованными, к месту и не к месту распространяются «про это», выставляя себя половыми гангстерами без страха и упрека.

Сказав это, Виктор уже хотел было развернуться и отойти, чтобы не слушать обычных «Да ты че, не веришь?» и «Зуб даю!», но Глеб повел себя на удивление спокойно. Он не стал хватать Логинова за рукав и с пеной у рта клясться и божиться. Нет. Глеб с ухмылкой и даже с жалостью посмотрел на Логинова, потом быстро оглянулся по сторонам и тихо произнес:

– «Степуху» ставишь?

– Что? – удивленно повернул голову Виктор.

– Стипендию, говорю, ставишь?

– Куда ставлю?

– На спор, конечно, – ухмыльнулся Глеб и изложил условия пари. – Так что, по рукам? Или забоялся, Витек?

– Да ничего я не забоялся! – решительно сказал Виктор и протянул руку.

Прежде чем по обычаю «разбить» сцепленные ладони, Глеб на всякий случай предупредил:

– Только никому ни-ни, Логинов! А то оба вылетим на гражданку с «волчьими» билетами.

– Я не из болтливых, – хмуро сказал Виктор.

– Я это заметил, потому и разоткровенничался с тобой. Смотри – по рукам!

В следующее увольнение Логинов с Глебом отправились вместе. Вынырнув из метро, они попили противной теплой газировки из автомата, Глеб отер губы ладонью и ухмыльнулся:

– Ну что, я готов! Веди, Сусанин! Показывай школу…

– А чего ее показывать, – оглянулся Логинов. – Первая, какая попадется… Эй, девочка! Как к твоей школе лучше пройти, скажи, пожалуйста!

– Вон туда, между домами, дядя! – ткнула пальчиком худенькая третьеклассница, одетая в обязательный по тем временам фартук и украшенная обязательными бантами.

Три минуты спустя спорщики уже нырнули в дыру в заборе и оказались на территории самой обычной московской школы.

– Ну? – повернулся к Глебу Виктор. – Что дальше, Казанова?

По условиям спора, школу должен быть указать Логинов, а вот выбор объекта для совращения оставался за Красовским.

– А дальше, Витек, кури! – хмыкнул Глеб. – Я выдвигаюсь на рекогносцировку местности.

Делать было нечего, Виктор оглянулся по сторонам и присел на деревянный барьер полосы препятствий НВП – начальной военной подготовки. В те спокойные времена призрак терроризма еще не витал над страной. И московские школы легко и просто обходились без охраны. Равно как и больницы, официальные учреждения и различные офисы, именовавшиеся тогда просто «конторами».

Миллионы дармоедов-охранников еще не заполонили страну. Их функции с успехом выполняли дяди Степы-участковые, которых можно было по пальцам перечесть. Что бы ни говорили сейчас о том времени, но правоохранительная система была не только более справедливой, но и в тысячи раз более

эффективной. Дяди Степы – похмельные и замученные «бытовухой» – свое дело знали туго. Уголовники или «давали» план на лесоповалах, или хоронились при свете дня по «малинам».

Поэтому появление двух коротко стриженных молодых людей на территории обычной московской школы никого не насторожило. На стадионе как ни в чем не бывало продолжался урок физкультуры, на асфальтированной площадке для школьных линеек вожатая репетировала какое-то мероприятие с пионерами.

Именно на вожатой и сосредоточил свое внимание Виктор. Глеб же пошел совсем другим путем.

На баскетбольной площадке, совсем неэротично задирая ноги, проводила разминку со старшеклассниками дама порядком за сорок. Годы брали свое, но ее фигура еще сохранила стройность, а внешность свидетельствовала об отчаянных попытках сохранить некое подобие молодости.

Что и говорить, уже в те годы Глеб Красовский был опытным ловеласом. От его внимания не ускользнула ни одна деталь, включая факт отсутствия на безымянном пальце правой руки кольца. Пройдя мимо, он присел на лавочку и дождался конца разминки. Молодящаяся учительница по ходу дела бросила на него несколько заинтересованных взглядов. Глеб белозубо улыбнулся в ответ…

Логинов с удивлением наблюдал, как сразу после разминки Красовский подошел к учительнице и завел какой-то разговор. Та, поправив прическу, внимательно выслушала его и несколько раз энергично кивнула головой. После чего учительница и Глеб переместились к яме для прыжков в длину и начали принимать зачет. При этом Красовский галантно помог установить рулетку и время от времени придерживал школьный журнал.

При виде всего этого Логинов нервно заерзал на барьере полосы препятствий. Красовский же сопровождал каждый удачный прыжок репликой, обращенной к учительнице. А та раз за разом поправляла непослушную прическу…

Когда прозвенел звонок, Глеб помог свернуть рулетку и проводил учительницу за угол школы. Вернувшись, Красовский перекинул ногу через барьер и с ухмылкой уселся напротив Логинова.

– Видал? – спросил он, прикуривая сигарету и выпуская дым. – Учись, Витек, пока я жив. В сорок пять баба ягодка опять! Вот же дура!

– И что ты ей наплел? – кисло спросил Логинов.

– Что я тренер школы олимпийского резерва по прыжкам в длину! И ищу перспективных учеников! А после уроков хочу договориться с ней о дальнейшей совместной работе!

– И она поверила? – задал глупый вопрос Логинов.

– Конечно! – даже хмыкнул Красовский. – Бабы – дуры! Главное сделать так, чтобы они сами захотели поверить!

– И что теперь?

– Теперь, – посмотрел на часы Глеб, – можем сходить хлебнуть пивка. У нее еще два урока.

В назначенное время Глеб встретил учительницу в квартале от школы. Та уже переоделась в обычную одежду и перетянулась поясом так, что стала напоминать рюмку. Логинов следовал за сладкой парочкой чуть в отдалении.

Выйдя из метро, Глеб ненадолго оставил свою спутницу на улице, а сам заглянул в магазин. Вскоре оба вошли в подъезд типовой «хрущевки». Логинову ничего не оставалось, как занять позицию в заросшей зеленью дворовой беседке.

Он уже проклинал себя за то, что заключил с Глебом это чертово пари, но отступать было поздно. Но как Глеб докажет, что совратил учительницу, а не просто побывал у нее в гостях?

Через полтора часа Красовский вынырнул из подъезда, оглянулся по сторонам и кивком подозвал Виктора:

– Ох и здорова же тетка портвейн жрать! – пожаловался он. – Гони в магазин за «Агдамом»!

– А почему я?

– А потому что я представлю тебя своим коллегой, призером Союза!

– А это… будет удобно?

– Увидишь, старик! – хмыкнул Глеб. – Тебе, дружище, крепко повезло, такие экземпляры редко попадаются. Так что давай, дуй!

И Логинов «дунул» в магазин. А потом они с Глебом поднялись в квартиру бывшей спортивной гимнастки Маши. На появление Виктора та отреагировала весьма своеобразно. Сперва еще немного подкрепилась портвейном, а потом голышом станцевала на столе некое подобие канкана. После чего так же голышом уснула на диване, раскорячив ноги…

Надо сказать, Логинов был шокирован. И не столько своим проигрышем, сколько тем, что в советской школе может преподавать такая учительница физкультуры. До этого Виктор свято верил, что такое может быть только в загнивающем мире капитала.

В день «получки» Виктор безропотно передал в туалете Глебу свою стипендию – целую кучу денег по тем временам. Красовский же небрежно сунул выигрыш в карман и назидательно произнес:

– В следующий раз, Витек, умнее будешь.

– Буду… – вздохнул Виктор.

Красовский направился к выходу, но в последний момент уже у самых дверей остановился:

– Слышь, ты это… совсем пустой, что ли? Насчет денег, я имею в виду?

– Совсем…

– Ну тогда, так уж и быть, поехали со мной. Только смотри – никому ни слова.

– А куда? Опять к той учительнице?

– С ума сошел? Зачем нам эта карга? Сегодня завалимся в общагу канатной фабрики, никогда не был?

– Нет. А что там?

– Там, Витек, лимитчицы, – мечтательно произнес Глеб. – А лимитчицы – это нечто особенное. Они, Витек, из своих периферий как в Москву вырываются, так и пускаются во все тяжкие – мамы с папами-то далеко… Да чего я тебе рассказываю? Поехали, сам увидишь!

И они поехали. И Глеб, надо сказать, ничуть не приврал. Может, по части внешних данных работницы канатной фабрики и уступали коренным москвичкам, но этот недостаток с лихвой компенсировался простотой нравов.

Логинова в общаге приняли как своего. После портвейна его соседка по столу – худощавая и конопатая, но довольно симпатичная Маша – без обиняков спросила:

– Ну что, пошли за шкаф? Или ты стесняешься, так я у девок ключ от гладилки возьму…

И был тут же утащен Машей за шкаф. Она деловито расстегнула ему штаны и скомандовала:

– Ты приляг, а то так неудобно, коленки болеть будуть. – И тут же обхватила набухший член Виктора умелыми губами…

18

Едва незнакомцы достигли края дамбы, Аникеев подтянулся и, работая руками и ногами, начал карабкаться на склизкий бок бетонной глыбы. Он, конечно, рисковал, но другого выхода не было. Мышцы деревенели с каждой секундой, тело наливалось свинцовым холодом. Кончиков пальцев Леонид уже не

чувствовал…

Кое-как ему удалось подтянуться и нащупать ногой загнутую арматурину. Руками Аникеев отыскал какой-то выступ и с трудом вытащил свое окоченевшее тело.

Голоса незнакомцев едва долетали откуда-то сбоку. Они уже спустились с насыпи и скрылись за стеной камышей. Это радовало, но в то же время Аникеев чувствовал, что долго так не продержится.

Промокшая одежда облепила тело ледяным панцирем. Ветер, которого прежде Аникеев даже не замечал, обдавал тело холодными волнами. Руки и ноги продолжали коченеть.

Единственная надежда была на приближающуюся машину. У водителя наверняка должен был быть буксировочный трос. Если бы он бросил его с берега, Аникеев мог бы обвязаться и выбраться из этой западни.

Леня с надеждой посмотрел в сторону насыпи. И только тут понял, что привлечь внимание водителя будет не так просто. Да и незнакомцы могут услышать шум и вернуться.

Но дело повернулось еще хуже. Легковушка до дамбы вообще не доехала. Навряд ли водитель услышал звуки выстрелов и испугался – он просто свернул на какой-то развилке, невольно лишив Аникеева даже призрачного шанса на спасение.

Леня быстро коченел на глыбе. Даже отъезд микроавтобуса с незнакомцами, о котором свидетельствовал мелькнувший вдалеке свет фар, не обрадовал его. Он чувствовал, что вот-вот упадет с глыбы в воду…

19

В тот памятный вечер в общаге канатной фабрики Логинов не только впервые в жизни испытал минет, но и узнал, что он может быть групповым. И это в то

время, когда все знали, что секса в СССР нет!

Само собой, что некоторое время после этого Логинов находился под сильным влиянием своего более старшего и продвинутого однокашника.

Но все надоедает, даже «клубничка». И Логинову тоже со временем приелись походы с Глебом в разные злачные места. Тем более что по натуре он тяготел к более духовным, что ли, отношениям с противоположным полом. Вскоре у Виктора появилась постоянная девушка, и они с Глебом так же легко, как и сошлись, отдалились. Однако сохранили при этом ровные и уважительные приятельские отношения. Ведь чего греха таить – в Лесной школе многие слушатели беззастенчиво «стучали» друг на друга, выслуживаясь перед начальством. Причем касалось это в основном бездарей, у которых был только один шанс продвинуться по службе – «утопив» своих более талантливых коллег. Логинов и Красовский бездарями не были и друг друга не «сдавали». Поэтому и испытывали обоюдную взаимную симпатию.

Виктор отправлялся на несколько пресноватые после бурных посиделок на канатной фабрике свидания со своей девушкой, а Глеб Красовский продолжал совершенствоваться в ремесле донжуана. Но институтские «особисты» свой хлеб тоже ели не зря. Где-то к третьему курсу о похождениях Глеба узнали где следует, и он попал в «разработку».

А потом разбухшую словно на дрожжах папку с кодовым названием «Делон» передали начальству. Аморальная сущность Глеба Красовского просматривалась из содержания этой папки невооруженным взглядом. Учись он, к примеру, в Высшей партшколе, его бы, конечно, с треском отчислили, сунув в зубы пресловутый «волчий» билет.

Но в конторе на большинстве ключевых должностей работали крутые профи. На Кодекс строителя коммунизма и прочие условности той поры они смотрели сквозь пальцы, особенно если это касалось дела. Поэтому Глеба никто отчислять не стал. Напротив – его пригласили для беседы, после чего прикрепили к ПГУ КГБ СССР (то есть разведке) и стали использовать его редкий талант на благо Отчизны.

Сперва Красовский «работал» в Москве. По соотечественницам, представлявшим тот или иной интерес для конторы. А после окончания учебы Глеб стал

полноправным сотрудником ПГУ и практически исчез из поля зрения. Из этого нетрудно было сделать вывод, что театром сексуальных действий Делона стал весь загнивающий капиталистический мир.

В конторе, даже среди бывших однокашников и друзей, не принято расспрашивать о работе. Поэтому в редкие мимолетные встречи Логинов с Красовским ограничивались парой-тройкой дежурных фраз и крепким рукопожатием. Но Логинов был профи и мог дать руку на отсечение, что Красовский подвизался на ниве нелегальной разведки. А уж то, чем занимались нелегалы, было секретом секретов.

За всякими реорганизациями и перегруппировками конторы Логинов, надо признаться, о существовании Красовского совсем позабыл. И не вспоминал об однокашнике уже много лет. Тем удивительнее была произошедшая с Глебом метаморфоза. То есть выглядел Красовский по-прежнему на миллион долларов и мог хоть сейчас совратить не только престарелую учительницу физкультуры, но и молодую сексапильную директрису закрытой частной школы. Но вот род его теперешних занятий Виктора немало удивил.

– Так ты ушел из конторы? – на всякий случай уточнил Логинов.

– Да, – кивнул Красовский. – Демобилизовался подчистую. Вернулся с «холода», как герой Ле Карре. Янки, саксы и немчура теперь наши друзья. Против кого работать?

– А я все служу, – прикурил сигарету Виктор. – Только в УБТ перешел.

– Я знаю, – кивнул Глеб. – Наслышан о твоих подвигах. И безумно рад нашей встрече. Помнишь общагу канатной фабрики?

– Такое не забывается, – с улыбкой покачал головой Виктор.

– Эх, были же времена, – ностальгически вздохнул Глеб. – Все ясно и понятно – пятилетний план, колбаса по два двадцать и портрет генсека в «красном» уголке. И вся жизнь впереди… А сейчас кто друг, кто враг не разберешь, и старость подкрадывается, старик…

– По-моему, ты кокетничаешь, Глеб, – окинул однокашника взглядом Виктор.

– Да ну, какое к черту кокетство? С тобой-то уж, Логинов, я себе могу позволить говорить правду! Это я с виду такой авантажный… а из самого уже труха сыплется. О, Игнат уже, кажется, освободил колесо. Ты доверенность накорябал?

– Почти, – кивнул Виктор, успевший по ходу беседы набросать на листке стандартный текст, дающий право Игнату Калистратовичу Бортнику управлять его «девяткой». – Откуда ты только выкопал этого своего Игната Калистратовича? С собой с «холода» привез, что ли? – пошутил Виктор, поставив размашистую подпись под документом.

– Да нет, – презрительно скривил губы Красовский, – местный кадр, экс-десантура. Гвардии сержант. Сила есть – ума не надо, одна извилина ума – и та на заднице, поэтому о его голову можно смело не только кирпичи крушить, но и бетонные плиты перекрытия. Герой нашего времени, одним словом…

В ожидании, пока Игнат справится с искореженным крылом «девятки», Красовский с Виктором сидели в джипе. Наконец Игнат отер тыльной стороной ладони взмокший лоб и направился с кажущейся игрушечной в его ручищах монтировкой к «Чероки».

– Готово, Глеб Андреевич! – по-военному доложил он, тяжело сопя.

– Молодец, – кивнул Красовский. – Логинов, давай документы на машину и ключи. Держи, Игнат. Только смотри ничего не потеряй и не перепутай, с Логиновым шутки плохи. Как только управишься, сразу звони. Если что-то не срастется – тоже. Все ясно? Или есть вопросы?

– Никак нет! Так точно! То есть так точно! Никак нет!

– Давай тогда! В темпе! – кивнул Красовский.

Игнат развернулся на каблуках и быстрым шагом двинулся к «девятке». Практически не пострадавший при столкновении джип Глеб отогнал на обочину. Едва «девятка» благополучно двинулась с места, Красовский повернулся к

Виктору:

– Куда тебе?

– Да черт его знает… – проводил свою машину взглядом Логинов и посмотрел на часы. – Наверное, к какому-нибудь салону мобильной связи «МТС»…

20

Аникеева бил колотун. Тело дрожало, словно в лихорадке. Обхватив промокшие плечи руками и сжавшись в комок, Леня из последних сил держался на глыбе.

Его карманы «почистили», но часы с руки снимать не стали. Часы «CASIO» погружение в воду перенесли стойко. Время было 4.45.

Аникеев понял, что ждать дальше бессмысленно. Надо было что-то делать. Собственно, альтернативы не было. Оставалось только прыгать в воду и самому пытаться выбраться на берег.

Но прыгать в полузамерзшем состоянии было равносильно самоубийству. Аникеев принялся похлопывать себя руками, одновременно сгибая и разгибая закоченевшие пальцы. Особых плодов это не принесло, и тогда Леня решил прибегнуть к последнему средству – аутотренингу.

В советские времена спецназ ГРУ обучали этому делу по специальной адаптированной методике. В ФСБ было не до аутотренинга. Но Горов Аникеева кое-чему научил.

Сейчас Леня вспомнил уроки капитана и сделал несколько энергичных вдохов «ибуки». Дрожь слегка уменьшилась. И Аникеев живо представил, что его правая рука наливается свинцом. Не сразу, но это получилось. С левой рукой все прошло еще быстрее, потом пришла очередь ног.

Следом за упражнением на «тяжесть» Аникеев провел комплекс «тепло». И практически сразу почувствовал покалывание в кончиках пальцев. «Есть!» –

обрадовался Леонид. Покалывание означало, что ему удалось усилием воли расширить сосуды конечностей.

Прилившая кровь быстро отогрела руки. И Аникеев тут же переключился на солнечное сплетение. Как и учил его Горов, он представил, что внутри у него, между желудком и позвоночником, разгорается маленькое теплое солнце…

Несколько секунд спустя в животе разлилось приятное тепло. Дрожь вдруг сошла на нет, упаднические мысли отступили, отчаяние ушло. Аникеев плавно вошел в состояние аутогенного транса.

Около минуты он вбивал в подсознание установку: «Мне тепло. Вода не сможет охладить мое тело. Я доберусь до берега. Я сделаю это». По существу, это был самогипноз. Аникеев «программировал» подсознание на отчаянную борьбу за жизнь.

Его тело потеряло слишком много тепла, но резервы еще оставались. Человеческий организм так устроен, что резервы остаются всегда. И губит людей вовсе не их отсутствие, а неумение задействовать эти резервы. Аникеев через подсознание добрался до «тумблера» и «включил» его.

Но это было только полдела. Теперь нужно было оставшимися резервами успеть воспользоваться – оставалось-то их не так много…

Аникеев сделал глубокий вдох, на выдохе резко открыл глаза и сбросил с себя оцепенение. В следующий миг он уже соскользнул с бетонной глыбы.

На этот раз ледяная вода не обожгла его, а просто взбодрила. Леню подхватил поток и понес в темноту. Холода он пока не ощущал, руки и ноги были послушными. Но долго так продолжаться не могло.

И Леня отчаянно заработал конечностями, забирая влево. В какой-то момент рядом промелькнуло что-то светлое. Только с опозданием Аникеев понял, что это была еще одна глыба. Ударься он об нее – и уже никакой бы аутотренинг не помог…

Возможно, впереди его поджидали и другие сюрпризы, но пытаться их высмотреть не было смысла – слишком темно было. И слишком быстрым был поток.

Оставалось надеяться на удачу. И на себя. Аникеев упрямо продолжал забирать влево. Конечности уже начали потихоньку мерзнуть, дыхание стали перехватывать спазмы…

Долгих три минуты Аникеев отчаянно боролся за жизнь. Его швыряло как щепку, затягивало в водовороты, окунало с головой. А он все греб и греб, чувствуя, что сил остается все меньше и меньше…

Когда он решил, что все пропало, впереди вдруг мелькнула какая-то полоска. Среагировать на нее Леня не успел. В следующий миг что-то ударило его поперек груди. Леня охнул, поток развернул его, готовясь унести дальше, прочь от неожиданной преграды.

Но Аникеев эту преграду уже нащупал рукой и тут же вцепился в нее из последних сил…

21

Глеб Красовский запустил движок «Чероки» и, прежде чем тронуться, предусмотрительно покосился в боковое зеркало:

– Что, проблемы со связью возникли?

– Да не только со связью, – вздохнул Виктор. – Проблем, Глеб, честно признаться, выше крыши.

– Опять угроза теракта? – сочувственно кивнул Красовский, трогая джип с места.

– Даже хуже. На работе неприятности…

– А-а, понятно, – посмотрел на Виктора Глеб. – Так, может, тогда кидай ее к чертовой матери, а, Витя? С твоим-то опытом и послужным списком долго быть безработным пенсионером не придется. Хочешь, я тебя к себе устрою?

– Не знаю, может быть… – задумчиво проговорил Виктор. – А к себе – это куда?

– В концерн «Старойл».

– Это тот, у которого офис на Ордынке? – присвистнул Логинов. – Круто…

– Круче не бывает, – кивнул Глеб. – Денег у моих боссов немерено, да и вообще серьезная структура. Костяк правления составляют старые «зубры» из бывшего Миннефти Союза с наработанными связями и всем прочим. Так что если надумаешь, милости просим, протекцию я тебе всегда составлю. Хотя, честно признаться, ты в ней особо и не нуждаешься. Про то, как ты спас на границе с Казахстаном президента, легенды ходят в узких кругах. Мне несколько человек рассказывали.

– Было дело, – равнодушно кивнул Виктор. – А чем ты в этом «Старойле» занимаешься? Если у них все схвачено?

– Как чем? Разведкой, конечно. По специальности. Это только обыватели думают, что у богатеев жизнь – сплошной шоколад. А жизнь у них, Витя, между нами говоря, сплошной стресс и полное говно, хоть и в шоколаде. Денег-то они в свое время срубили немерено, но в этом-то и заключается корень их проблем. Потому что где много денег, там и много желающих этими деньгами поживиться. Криминал, доблестные правоохранители, всякие контролирующие ведомства. Но это все мелочи. А есть ведь еще и конкуренты, которые спят и видят, как бы одним махом прибрать инфраструктуру процветающей компании к своим рукам. А это, согласись, соперники посерьезней. Но и это еще не все. Самое главное, что за наших нуворишей наконец-то взялось и государство. Они-то думали, что грехи дикой приватизации уже списаны за сроком давности. Ан нет! Веришь, после истории с Мороховским и «ФУКОСом» все члены моего правления с собой в лимузинах стали возить атташе-кейсы!

– С бельишком, что ли, для СИЗО? – хмыкнул Виктор.

– Да нет, с комплектом для срочной загранкомандировки – визы, паспорта и дорожные чеки. Чтоб, значит, при первом сигнале опасности сдриснуть за кордон и уже оттуда сориентироваться в ситуации – возвращаться или резко перейти в политическую оппозицию к президенту с прошением о политическом убежище за бугром…

– Так ты, значит, отслеживаешь возможные угрозы для своих боссов?

– Ага, – почти весело кивнул Красовский. – Детская работа, после ПГУ-то. Тут и отслеживать нечего, только плати, а информацию тебе агентура сама в клюве принесет – хоть прокурорская, хоть ментовская.

– Поощряете, значит, коррупцию в родном отечестве, Глеб Андреевич? – хмыкнул Логинов.

– Чего ее поощрять-то? Я еще удивляюсь, как на официальных учреждениях еще не додумались вывешивать утвержденный прейскурант взяток – кому, за что, сколько.

– Тут ты прав, конечно, – вынужден был согласиться Логинов.

– А я, Витек, всегда прав, – улыбнулся Красовский. – «Степуху» свою проспоренную помнишь?

– Такое не забывается.

– То-то и оно, – кивнул Глеб, останавливая джип. – А вот, кстати, и твой салон мобильной связи. Двигай, я жду…

22

«Преграда», на которую в темноте налетел Леня Аникеев, оказалась петлей толстого стального троса. Проволочные пряди троса от долгого нахождения в воде проржавели и полопались. Когда Леня ухватился за трос, в его ладонь впились десятки острых, словно иголки, концов. Но Аникеев этой боли даже не

почувствовал.

Наоборот, он тут же для верности ухватился за трос и второй рукой. И издал торжествующий звук. Трос свисал с берега – с наклонного берега, укрепленного установленными под углом плитами. Наверное когда-то давно, при строительстве канала, этот трос сняли с экскаватора, чтобы заменить на новый. Да по советской привычке прямо на месте и бросили. А потом, при планировке берега, присыпали и утрамбовали землей. И никто тогда даже не задумывался, что всеобщая бесхозяйственность через много лет спасет жизнь сотруднику ФСБ.

Он просто покрепче вцепился в трос, малость передохнул и стал подтягивать свое тело к берегу. Поток кидал его из стороны в сторону, норовя сбить с курса, но это было уже неважно.

Особо лазать в школе по канату Аникеев не любил, но технику этого дела освоил – спасибо физруку.

Помогая себе скрещенными ногами, Леня кое-как вскарабкался до среза грунта и отчаянным усилием перевалился наверх.

Некоторое время он лежал без движения. Потом приподнял голову и издал какой-то булькающий смешок. Следом Леня с трудом приподнялся на карачках и выматерился куда-то в темноту:

– Ну что, падлы, урыли меня…

В общем-то, матерщинником Аникеев не был, но тут случай был особый. Добавив еще несколько непечатных выражений, Леня, пошатываясь, поднялся на ноги.

Напряжение его отпустило. И только тут он вдруг почувствовал, насколько замерз. Его снова начало колотить. Леня поспешно стащил с себя легкий гольф и выжал – сперва майку, потом его. Следом выкрутил штаны – тоже тонкие и потому впитавшие очень мало воды.

Пару минут спустя Леня легким аллюром устремился в сторону Москвы. Там за деревьями просматривался какой-то огонек. Туфли Аникеева остались в канале,

так что бежать было легко. А на колючки, иногда впивавшиеся сквозь носки в ступни, он особого внимания не обращал: после всего случившегося это было бы смешно.

Бег не очень согрел Леню, зато он пришел в себя окончательно. И понял, что если в ближайшие двадцать минут он не попадет в тепло, то наверняка свалится с воспалением легких.

Эта мысль подгоняла его, и вскоре он приблизился к заветному огоньку. Тот оказался фонарем, горевшим над закрытыми наглухо воротами. На воротах было написано, что это садово-огородное товарищество «Дагомыс».

Лене было все равно – «Дагомыс» так «Дагомыс», лишь бы отогреться. Еще метров за пятьдесят его почуяли собаки. Сразу две беспородные шавки подскочили к воротам и отчаянно затявкали. Выглядели они не очень устрашающе, поэтому Аникеев с ходу ухватился за прут ворот и крикнул:

– Эй, есть кто? Открывай!

В этот миг из темноты к воротам метнулось что-то черное и стремительное. Леня едва успел отдернуть руку, как на ворота с хищным рыком бросился доберман.

– Вот же блин! – подался назад Леня. – Зверюга… Эй, открывайте!

Доберман глухо лаял и исходился злобой. Опасливо глядя на него, Аникеев снова крикнул:

– Эй! Откры…

В этот миг наверху что-то щелкнуло. Леня осекся и задрал голову. Стоявшая слева от ворот сторожка была двухэтажной. Наверх, к железной двери, вела крутая лестница.

Сама дверь осталась закрытой, в ней приоткрылось окошко, в окошко высунулась опухшая харя. Ее владелец с трудом нацепил камуфляжную кепку и навел резкость на Леню:

– Чего расшумелся?.. Ты кто таков?

– ФСБ, отец! Открывай!

«Отец» был здорово пьян. Но не настолько, чтобы не рассмотреть Ленин «прикид».

– Како-тако ФСБ? – рявкнул он. – Ты на себя глянь! Пшел отсюда, бомжара!

– Немедленно откройте! Я офицер ФСБ! Выполняю задание! – решил пронять старика официальным тоном Аникеев.

Тот растерялся только на секунду.

– Ежли ты из ФСБ, «корочку» покажь!

Тут уж на секунду растерялся Леня, а потом промямлил:

– Да поймите вы, удостоверения у меня нет…

Сторож сразу осмелел:

– А нет, так и пшел отседа! Бомжара! Расплодилось вас тут, житья нет! Вчерась только одного наладил, седня второй!

– Да поймите… – сделал последнюю попытку объясниться Аникеев, но сторож его уже не слушал.

Громыхнув засовом, он выскочил на площадку наверху лестницы с помповым ружьем в руке.

– Не слышал, что говорят? Щас я тебя по-другому налажу!..

С этими словами сторож передернул затвор ружья и прицелился…

Аникеев понял, что пора смываться, и дал стрекача. Разошедшийся сторож долго махал ему вслед «помповиком» и возмущался:

– Ваще бомжары озверели! Ни днем, ни ночью покоя не дают! Из ФСБ он, гляди каков! Завтра небось Путиным представится, бродяга чертов! Отстреливать таких надоть…

Отбежав на приличное расстояние, Леня оглянулся. Шавки продолжали бесноваться за воротами, сторож же как раз закрыл за собой дверь. А перед этим пропустил в свою будку добермана…

Это навело Аникеева на интересную мысль. И он резко повернул, чтобы обогнуть забор садово-огородного товарищества.

23

Логинов уже потянулся к дверной ручке джипа, но в последний момент замер и повернулся к Глебу.

– Что-то не так? – спросил тот. – Подъехать поближе?

– Да нет, не в этом дело… – в нерешительности проговорил Виктор. – Мне неудобно тебя напрягать, но у меня времени в обрез. В общем, мне нужно на время пару чистых «мобильников», желательно скрытой связи. Как у вас в «Старойле» насчет этого?

– У нас с этим полный порядок, – сказал Красовский. – Но тут, Витя, есть одно «но». Это как-то связано с твоими проблемами по работе?

– Да, – кивнул Виктор.

– Тогда своих «мобильников» я тебе не дам, – покачал головой Красовский. – Сам посуди, мало ли что может случиться. А связываться со своей бывшей конторой я бы не хотел, это чревато.

– Я понимаю, – вздохнул Виктор.

– Да нет, ты не понимаешь, – с улыбкой покачал головой Глеб. – Я тебе помогу, но по-умному. Сейчас, только отъедем на всякий случай.

Отогнав джип за угол, Глеб открыл безукоризненно выполненный тайник и выудил из стопки разнокалиберных документов уже порядком потрепанный паспорт нового образца:

– Держи, Витя, фотография там такая, что подойдет пятидесяти процентам предъявителей мужского пола. Оформишь договор на этот паспорт. А насчет того, как по открытой связи объясняться кодированными фразами, не мне тебя учить. Паспорт, когда в нем отпадет надобность, уничтожишь. И концов никто никогда не найдет, даже если контора из миллиона звонков вычленит и расшифрует твои, в чем я очень сильно сомневаюсь.

Логинов быстро раскрыл паспорт и невольно ухмыльнулся. Школа ПГУ, как и «Альфа», остается навсегда. С фото на Виктора смотрел некий среднестатистический субъект с короткой стрижкой, явно «сработанный» на компьютере. Если особо не присматриваться, то подобная фотография действительно могла подойти пятидесяти процентам мужиков – ведь человек мог поправиться или переболеть и похудеть, да и прическу поменять согласно моде.

– Спасибо, Глеб! – кивнул Виктор.

– Да не за что, – пожал плечами Красовский. – Но ты там бдительности не теряй. Вдруг клерки что заподозрят, уходи. У меня «ксив» полно, на другую оформишь…

24

«Домушник» из Аникеева был никакой, ему просто повезло. Двинувшись по периметру садово-огородного товарищества «Дагомыс», Леня минут через пять рискнул перебраться через забор.

Немного выждав, он двинулся к первому попавшемуся домику. Тот оказался небольшим, двухэтажным, с бронированной дверью и толстыми решетками на окнах.

А холод подступал все сильнее и сильнее. Поднявшись на крыльцо, Леня от отчаяния дернул за ручку двери. Та даже не шелохнулась.

Он судорожно вздохнул и автоматически повернул голову вправо. Дело в том, что на даче его родителей под козырьком имелся тайник, где они оставляли ключи – на случай, если Леня приедет, а их не окажется.

Леня шагнул к столбу, подпиравшему навес, поднялся на цыпочки и пошарил в щели. Там было пусто. Уже ни на что не надеясь, от отчаяния Леня шагнул влево и повторил операцию.

Каково же было его удивление, когда под окоченевшими пальцами что-то звякнуло. Еще не веря в свою удачу, Аникеев схватил связку.

Но на ощупь определил, что ключей целых три штуки. Недолго думая, Леня принялся их засовывать один за другим в замочные скважины. И минуту спустя оба замка бронированной неприступной двери оказались открыты.

Леня нырнул внутрь, нашарил колесико одного из замков и закрылся изнутри. После чего на ощупь двинулся в дом. Свет включать он побоялся, но домик был типовым. Во всяком случае, его планировка почти в точности повторяла планировку родительской дачи.

Аникеев безошибочно повернул на небольшую кухню, убедился, что окошко плотно закрыто шторой, и принялся искать спички. Спички тоже оказались на привычном месте. Дальше Леня привычно открыл вентиль газового баллона и дрожащей рукой зажег обе конфорки.

Голубые язычки заплясали в темноте. Леня протянул к ним руки и улыбнулся – впервые за эту проклятую ночь. Слегка отогрев руки, он поспешно разделся и нашел на вешалке при входе сухую одежду. Нацепив все, что только попалось под руку, Леня вернулся на кухню.

Есть ему не хотелось, а вот согреться бы не помешало – изнутри. Он открыл створку шкафа и даже не удивился. У родителей там на всякий случай всегда стояла бутылка водки. Стояла бутылка и здесь, только не водки, а сизого самогона. И не пол-литровая, а полуторалитровая, пластиковая.

Леня быстро скрутил пробку и принюхался. От сивушного запаха по спине пробежал холодок. Но выбирать не приходилось. Поэтому, в общем-то, малопьющий Аникеев бухнул на стол железную кружку (эмалированную, точно такую же, как у родителей) и набулькал в нее самогона по самый край.

Потом закрыл бутылку, левой рукой закрыл нос, а правой влил в себя лекарство… Несколько секунд после этого он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, потом наконец судорожно сглотнул и осипшим голосом произнес:

– Ни фига себе, сколько ж в ней градусов? Так же и без пищевода остаться можно…

25

Два телефона на подложный паспорт Логинов оформил без проблем. Персонал салона мобильной связи состоял исключительно из сексапильных девиц, озабоченных своей внешностью. В наличии имелся, правда, еще и охранник мужеского полу, но тот был озабочен исключительно собственным похмельем.

Само собой, что сличать фото в паспорте с оригиналом персоналу было недосуг.

Вскоре Логинов благополучно покинул салон и плюхнулся на сиденье джипа.

– Порядок? – осведомился Глеб.

– Порядок, – кивнул Логинов и протянул паспорт. – Держи, спасибо.

– Да ну, – отмахнулся Глеб. – Все равно засвечен. Оставь, может, еще пригодится, если у тебя неприятности. Куда?

– На Ленинградский проспект.

Глеб кивнул и без лишних вопросов тронул джип с места. Доехав до Балтийской, они развернулись.

– Здесь припаркуйся, – кивнул Логинов, когда справа показался сквер.

Красовский вильнул к банку и остановился. Видя, что Логинов не в духе, он не лез с расспросами. Так предписывала профессиональная этика чекиста, и Красовский ее правил придерживался.

– Я скоро, – кивнул Виктор, выбираясь из машины.

– Да я не спешу.

Логинов миновал кафе и свернул за угол. В сквере бродило несколько пожилых людей, пара человек выгуливали собак. Степан Горов сидел на скамейке и вроде как читал газету.

Едва Логинов появился в поле зрения, Горов тут же принялся проверять – нет ли «хвоста».

– Да все нормально, Степа, – сказал Логинов, присаживаясь рядом с Горовым на скамейку. – Держи…

Горов отложил газету и взял протянутый телефон:

– Откуда дровишки?

– Разжился по случаю. Оформлен на фиктивный паспорт. Так что мы теперь со связью. Мой номер в памяти, понял?

– Ага… – потыкал в кнопки Степан. – Так что будем делать, шеф?

– Да особого выбора нет. Проедем для начала к этой пятиэтажке, где все случилось. Мне светиться там не с руки, так что опросишь соседей ты… Вдруг

что-то наклюнется?

– Понял, – кивнул Горов и поднялся. – Вы на «девятке»?

– На джипе…

– Не понял…

– В аварию я попал, Степа.

– В какую еще аварию? – насторожился Горов.

– Да расслабься, это не то, что ты думаешь, – ухмыльнулся Логинов. – Пошли, по дороге расскажу…

26

Проснулся Аникеев от протяжного визга. С таким визгом у соседей ларешников, живших под ним, по утрам ровно в семь открывалась железная дверь. Поначалу Леня даже собирался сходить с ними поругаться, чтобы смазали петли, но все как-то не решался, а потом привык и даже будильник перестал заводить. Зачем его заводить, если ровно в семь внизу взвизгнет, открываясь, дверь, а потом еще ухнет на весь подъезд, ударившись о стену.

Вот и на этот раз вслед за визгом раздался приглушенный удар. Услышав все это сквозь сон, Леня потянулся и с зевком продрал глаза.

– Ну и приснилось же мне!.. – успел пробормотать он и осекся.

Вместо своей комнаты Леня увидел какую-то тесную комнатушку. И лежал он вовсе не на своем диване-книжке, а на узкой старомодной кровати с никелированными набалдашниками.

В тот же миг Аникеев ощутил тупую боль в мышцах и разом вспомнил все – ночное пробуждение в микроавтобусе, двоих незнакомцев и последующее купание в ледяной воде канала.

Рядом с кроватью на стуле стояла пластиковая бутылка с мутной жидкостью. При виде ее у Лени невольно перехватило дыхание – накануне ночью он в профилактических целях, чтобы не подхватить воспаление, заставил себя принять на грудь две с половиной кружки этой микстуры.

А снаружи между тем уже донеслись шум машины и скрип гравия под ее колесами. Леня отбросил в сторону многочисленные покрывала и бросился к окну. Осторожно приоткрыв занавеску, он выглянул в щель.

Во двор въезжал двухдверный «Опель-Кадет» цвета то ли «мокрый асфальт», то ли «синий металлик». Пожаловал хозяин.

– Вот же черт! – пробормотал Аникеев, соображая, что делать.

Ночной опыт общения со сторожем подсказывал ему, что объяснение будет не из легких. А у него и так неприятностей было выше крыши да и времени не было…

Вспомнив о времени, Аникеев быстро посмотрел на часы и тихонько присвистнул: «CASIO» показывали 14.50. Получалось, что он проспал чуть больше девяти часов.

«Опель» остановился, щелкнула дверца. Леня подался вперед и с трудом рассмотрел водителя. Из машины выбралась молодая женщина. Судя по всему, она приехала одна.

Леня облегченно вздохнул. Женщина обогнула машину и закрыла ворота. По ходу дела Аникеев смог рассмотреть ее получше.

На вид – года двадцать три – двадцать четыре, среднего роста, стройная, но не хрупкая, как Лера. Волосы черные, коротко стриженные. Одета просто – в джинсы, кроссовки и спортивную куртку с майкой. Закрыв ворота, женщина наконец повернулась к Аникееву лицом.

И Леня невольно вздохнул. Приехавшая хозяйка дачи не была красавицей. Она было просто симпатичной – настолько, что Аникееву вдруг стало ужасно неудобно. Перед Лерой… Потому что Аникеев поймал себя на мысли, что именно такая девушка – простая, не вычурная – нужна ему.

Мысль, что и говорить, была весьма своевременной – особенно с учетом положения, в котором оказался Аникеев. И Леня тут же отбросил ее прочь.

Подавшись чуть назад, он следил за тем, как хозяйка вытащила из машины сумку и легко взбежала с ней на крыльцо. Здесь она попала в «мертвую зону», так что о ее дальнейших действиях Аникеев догадывался по приглушенным звукам.

Сперва что-то звякнуло – это женщина поставила сумку, потом раздался шорох вверху – она пыталась нашарить ключи. Леня облегченно вздохнул – ключи были у него, а раз так, то ему оставалось только дождаться, пока женщина уедет.

Не нашарив ключей, она произнесла «Странно!» и попыталась нащупать связку с другой стороны – точь-в-точь как Леня ночью. Само собой, что ключей не оказалось и там.

Несколько секунд спустя запикал клавишами «мобильник».

– Алло, мама! Привет! Я с дачи звоню… Что-то ключей на месте нет. Вы их не забыли оставить? Не знаешь? Папа оставлял?.. Да нет, не буду я ему звонить, отвлекать… Сама спросишь. Просто мой комплект где-то в машине валяется, я им уже триста лет не пользовалась… Ага, как вернусь, позвоню. Ну все, пока!

– Вот же черт… – пробормотал Аникеев, подавшись назад.

Его надеждам уйти по-английски сбыться было не суждено. Некоторое время Леня колебался, потом решительно двинулся к двери. Во-первых, чему быть, того не миновать, а во-вторых, у женщины можно было разжиться «мобильником»…

Леня решительно взялся за колесико замка и повернул его. И так же решительно распахнул дверь.

Девушка уже успела спуститься с крыльца. Обернувшись на полдороге к машине, она уставилась на Аникеева.

– Здравствуйте! – как можно спокойнее сказал Леньчик и даже постарался улыбнуться.

– Здравствуйте… – ответила женщина.

– Не бойтесь, я сейчас все объясню, – успокоительно проговорил Аникеев, ступая на крыльцо.

– Да я и не боюсь, – ответила женщина, быстро оглядываясь по сторонам.

Самое главное, что она действительно не очень испугалась, просто оценивала ситуацию. И Леньчик снова совсем некстати вдруг вспомнил о Валерии – уж та бы если и не брякнулась в обморок, то наверняка бы взвыла пожарной сиреной.

Начало обнадеживало, и Аникеев улыбнулся еще шире:

– Это хорошо, что вы не боитесь. В наше время редко встретишь такую мужественную девуш…

Чтобы гарантированно избежать эксцессов, Леньчик хотел было для разрядки выдать еще несколько комплиментов, но женщина его резко перебила:

– Кто вы?

– Да я как раз и хочу вам рассказать, – проговорил Аникеев с самым миролюбивым видом и сделал шаг с крыльца. – Дело в том…

Однако девушка была начеку и снова перебила Аникеева:

– Не приближайтесь ко мне! Стойте на месте!

– Ах да! Извините! Дело в том, что я сотрудник ФСБ. И при выполнении задания попал в… критическую ситуацию. Вот мне и пришлось воспользоваться вашей

дачей, понимаете?

– Понимаю, – кивнула женщина, окидывая «доспехи» Аникеева цепким взглядом. – И одеждой моего папы…

– Да, да, – кивнул Леня. – И одеждой…

– А также самогоном, – продолжила женщина, втягивая носом воздух.

– Гм-м… – смутился Аникеев. – И самогоном тоже. Понимаете, дело в том, что я немного промок и…

– Я все понимаю, – подвела итог женщина. – Стойте, где стоите. Я звоню в милицию…

Тут перед глазами Аникеева живо встал один из ночных незнакомцев. Вернее, даже не он, а его штаны с лампасами.

– Не надо в милицию! – порывисто вскрикнул Леня. – Не звоните, выслушайте же меня!

Говоря это, Аникеев позабыл о предупреждении женщины и сбежал с крыльца. Как оказалось, делать этого не стоило.

Его собеседница взмахнула рукой с «мобильником», а ее нога метнулась навстречу Аникееву.

Подошва угодила Лене в грудь. Тот квакнул и приземлился на ягодицы. Женщина сменила стойку и проговорила:

– Я же сказала – не дергайся!

Аникеев дважды кашлянул и просипел:

– Вы что, с ума сошли? Я правда из ФСБ!

Его тон – обиженный и совсем не агрессивный – заставил женщину присмотреться к нему повнимательнее. Аникеев был, конечно, небрит, но его лицо все равно не очень вязалось с образом бомжа или мелкого воришки.

Женщина заколебалась. Аникеев понял это и быстро заговорил:

– Я вам не вру, поймите это! Я действительно попал прошлой ночью в критическую ситуацию! Меня чуть не убили! А вы…

– Так! Стоп! – подняла руку девушка. – А почему вы тогда не хотите, чтобы я позвонила в милицию, а?

– Да потому что один из тех, кто меня чуть не убил, был в милицейской форме! – в сердцах бросил Леня.

Тут в глазах женщины зажегся неподдельный интерес:

– Война ментов с конторой? Здорово…

– Что здорово? Что меня чуть не убили? – уставился на собеседницу Аникеев.

– Да нет, это я о своем… Дело в том, что я… Извините, а как вас зовут? – резко подобрела женщина и протянула Лене руку. – Поднимайтесь!

Аникеев взялся за крепкую ладошку и поднялся.

– Леонид Аникеев… – пробормотал он, пытаясь угадать, чем вызвана столь резкая перемена в поведении собеседницы.

– А меня Анна! Очень приятно! – энергично потрясла Ленину руку девушка.

– Мне тоже очень приятно. Так вы в милицию раздумали звонить?

– А это зависит от того, договоримся мы с вами или нет, Леонид! – быстро проговорила Анна.

– Вон там останови, Глеб! – кивнул Логинов. – Ближе не надо.

Красовский припарковал джип, заглушил двигатель и сказал:

– Пойду сигарет куплю.

Он давал возможность Логинову с Горовым остаться наедине. Логинов вкратце проинструктировал Горова, напоследок сказал:

– Ну а с остальным на месте сориентируешься…

– Ага, шеф!

Горов выскользнул из машины и двинулся во дворы. Однокашник Логинова по школе КГБ вернулся к джипу. Степану он почему-то не понравился – слишком хорошо одет. И вид слишком холеный. А к таким типам Горов испытывал что-то вроде классовой неприязни. Наверное, потому что сам жил на не очень большую зарплату офицера ФСБ.

Приблизившись к пятиэтажке, в которой произошло тройное убийство, он бегло осмотрелся и включился в работу.

Трупы уже увезли, но следственная бригада работу в квартире еще продолжала. Соответственно, оставались на месте и зеваки. Горов ввинтился в толпу, немного послушал разговоры и определил самых осведомленных персонажей – соседей. После чего принялся как бы невзначай «скачивать» информацию.

Работа эта была как раз для Степана. Среди людей он чувствовал себя как рыба в воде. Знал, как к кому подойти и что сказать, чтобы собеседник ничего не заподозрил и выложил все, что знает.

За час Горов успел переговорить почти со всеми жильцами пятиэтажки, торчавшими во дворе. И составил о случившемся вполне определенное мнение.

После этого Степан незаметно выбрался из толпы и двинулся к джипу – докладывать о своих соображениях Логинову.

28

– Договоримся о чем? – вконец растерялся Аникеев.

Анна с самого начала их знакомства не переставала Леню удивлять – сперва своей внешностью, потом хладнокровием, потом хлестким ударом в грудь, а теперь вот резкой переменой тона и намерений.

– Дело в том, Леонид, что я учусь заочно в университете на факультете журналистики! – доверительно сообщила Анна.

– Да? И что?

– Как что? Вы знаете, как сейчас трудно пробиться? Журналистов расплодилось как собак нерезаных! Чтобы устроиться куда-то, надо или перетрахаться со всеми редакторами, или иметь «лапу» в совете директоров!

– А я-то тут при чем?

– Как при чем? Третий способ – это разродиться каким-нибудь сенсационным материалом! Тогда тебя точно заметят!

– А-а, понял, – кивнул Леня. – И сенсационный материал – это я…

– Не вы, а то, что вас чуть не убили менты! Или вы все выдумали?

– Да нет, к сожалению. И о чем вы хотите со мной договориться?

– Как о чем? Вы что – совсем тупой? Конечно, об интервью!

– Вообще-то, я не тупой, – обиделся Аникеев. – Я, в отличие от вас, уже закончил университет. И не заочно, а очно. И был лучшим студентом на курсе, за что меня и отобрали в ФСБ.

– Секунду, подождите… – вскинула руку Анна. – Я только возьму в машине диктофон!

– Какой еще диктофон?

– Как какой? Чтоб записать наше интервью!

– Да не собираюсь я вам давать интервью! С чего вы взяли?

– Как не собираетесь?

– Обычно. У нас интервью даются только с разрешения начальства.

– Так… – прикусила нижнюю губку Анна. – Тогда мне придется сдать вас в милицию. Как мелкого воришку!

– Вы что, с ума сошли? Я же вам объяснил, что они меня чуть не убили!

– Тогда соглашайтесь на интервью, – отрезала Анна. – У меня другого такого шанса не будет. Поэтому выбирайте: или вы даете мне интервью, или я передаю вас ментам! Как вам такая альтернатива?

– Вообще-то, альтернатива – это одна из двух возможностей, – вздохнул Аникеев. – Но я, кажется, вижу третью…

– Какую? – спросила Анна.

– А такую! – выдохнул Аникеев.

В тот же миг он резко рванул девушку на себя и завернул ей руку за спину. Этот прием, в отличие от «запрыжки», особой координации не требовал, но тоже был весьма эффективным.

Анна глазом моргнуть не успела, как оказалась в наклонном положении с вывернутым локтевым суставом. Впрочем, интеллигентный Аникеев выполнил прием в щадящем режиме – все-таки его противником была женщина.

– Вы сами виноваты! – с торжеством в голосе произнес он. – Давайте телефон!

– Фиг вам, а не телефон! Не договоримся, я его в бочке утоплю!

Тут Аникеев увидел стоящую неподалеку бочку с дождевой водой и забеспокоился. Угроза была вполне реальной, а Лене позарез нужно было связаться с начальством, и чем скорее, тем лучше.

Чтобы дотянуться до второй руки девушки, ему пришлось чуть ослабить хватку… И коварная Анна тут же воспользовалась своим шансом. Резко развернувшись, она заехала локтем левой руки аккурат в челюсть Аникеева.

Тот качнулся и начал оседать на гравий. Анна не дала ему упасть. Переместившись назад, она выполнила удушающий захват и проговорила Лене на ухо:

– Между прочим, я работаю тренером в спортклубе. По единоборствам. Так что зря вы со мной связались!

– Я это уже понял, – потряс головой слегка пришедший в себя Аникеев. – А я, когда только увидел вас, даже решил, что вы девушка моей мечты…

– Так в чем же дело? – ехидно спросила Анна. – Соглашайтесь на интервью, а там, может, и о чем-то еще договоримся!

– Да нет, – упрямо проговорил Аникеев. – На интервью я не соглашусь. Да и о вас я теперь другого мнения.

– Да ну? И что вы думаете обо мне теперь?

– Я думаю, что вы помрете старой девой! Потому что вы не женщина, а фурия!

– Ладно! Тогда я звоню в милицию! – с угрозой произнесла Анна.

– Звоните, звоните! Только не забудьте, что вы теперь для ментов опасный свидетель. И вас они тоже уберут, в случае чего!

– Не пугайте, пуганая! – сказала Анна и демонстративно запикала клавишами «мобильника», приговаривая: – Я звоню! В милицию! Сдавать вас! Не передумали?

Аникеев молчал. Еще немного поломав комедию, Анна вдруг отпустила его:

– Черт с вами! Не хочу связываться с ментами! Так уж и быть, звоните своему начальству!

Аникеев оглянулся и хмыкнул, взяв телефон:

– Испугались?

– Вас пожалела!

Леня подозрительно посмотрел на Анну. Уж на кого на кого, а на мать Терезу, жалеющую всех встречных и поперечных, она похожа не была. Женщина же мгновенно почувствовала, о чем думает Аникеев, и вдруг смутилась, даже покраснела слегка. А потом ответила слегка грубовато:

– Чего уставился? Может, ты мне тоже понравился…

Такая откровенность слегка шокировала Леню. Он быстро отвел глаза и с телефоном в руке поспешно направился за угол.

– Можешь далеко не забегать! – улыбнулась ему вслед Анна. – Я все равно в дом иду.

С этими словами девушка легко взбежала на крыльцо, подхватила сумку и скрылась в двери. Здесь она зловеще улыбнулась, но Аникеев этого, естественно, не видел.

Он просто убедился, что Анна не может его слышать, и поспешно набрал номер своего шефа подполковника Логинова…

29

На том месте, где должен был ожидать Логинов, давешнего джипа Степан не увидел. Зато на его месте стояла «девятка» подполковника. С новым крылом.

– Неплохо! – оценил работу ремонтников Горов.

– И быстро, – кивнул довольный Логинов. – Глеб слов на ветер не бросает.

– Все равно он мне не понравился, – покачал головой Горов.

– Почему?

– Не знаю.

– Да тебе никто не нравится! – махнул рукой Логинов. – Ну что узнал, рассказывай!

– В общем, так, шеф. Информации не густо. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. В доме живут в основном пожилые, молодежи мало. По вечерам они дома сидят. Улавливаете?

– Пока не очень.

– Да это же ежу понятно! Положим, во дворе и подъезде темно, рассмотреть, кто входит, кто выходит, действительно проблематично. Но выстрелы-то эта публика должна была услышать по-любому!

– А что, не слышала?

– Да в том-то и дело! Я разговаривал с соседкой сверху и с соседом сбоку. Оба вчера целый вечер и ночь были дома. И – ни фига!

– Может, они глухие?

– Да нет, в том-то и дело, что какие-то женские визги в конспиративной квартире они слышали! А выстрелы – нет! Поэтому и трупы обнаружили только утром, когда на квартиру заявился коллега убитого опера с Петровки.

– Думаешь, глушитель? – закусил губу Логинов.

– Сто пудов! Только самодельный. Одноразовый. Точнее – трехразовый. Что-то вроде пластиковой бутылки или чего-нибудь поумнее.

– Так. Так-так… – потянулся за сигаретой Логинов. – Тогда картина вырисовывается примерно следующая – кто-то звонит в дверь, Пряхин открывает. Его с ходу бьют по голове, пока он в отключке, отстреливают девок. Потом перетаскивают Пряхина в комнату и тоже убивают. Так?

– Что-то вроде этого, – кивнул Степан.

– На Аникеева это похоже?

Горов даже фыркнул от возмущения.

– Значит, Леньчик в квартире скорее всего вообще не был, – вздохнул Логинов.

– Или был, но его тоже с ходу вырубили. А потом увезли.

– Навряд ли, – покачал головой Виктор. – Тогда бы нападавшим понадобилось намного больше времени. И девки успели бы своими воплями переполошить весь дом. Логично?

– Да, вообще-то…

– Тогда дело дрянь, – вздохнул Логинов. – Если Аникеева обезоружили не в квартире, значит, все было спланировано заранее. А если все было спланировано заранее, значит, это никакая не пьяная драка. А что-то очень и очень серьезное.

– И что мы со всем этим будем делать? – вздохнул Горов.

– Доложим наши соображения начальству, – решительно сказал Виктор.

– А оно нас будет слушать?

– Придется заставить.

– Как?

– Да мало ли способов? Можно на выезде с Лубянки подкараулить машину директора и «подставиться» боком «девятки», – жестко сказал Логинов. – А заодно и переговорить с ним.

– Ой, блин! – Степан даже съехал от такой перспективы на сиденье вниз. – А иначе никак, шеф? Машина-то у директора бронированная, ею можно троллейбус протаранить насквозь.

– Посмотрим, Степа. Сейчас звякну из таксофона, там видно будет…

30

Уже после второго звонка в трубке раздалось слегка поспешное «Алло!».

– Шеф, это я, Аникеев… – по инерции проговорил Леня и вдруг осекся.

Голос в трубке показался ему странным.

– Да-да, я слушаю вас, лейтенант! – быстро проговорили на том конце. – Это хорошо, что вы позвонили! Вы где сейчас?

Голос принадлежал явно не Логинову.

– А кто это? – после паузы спросил Аникеев.

– Полковник Зорин! Только номером вы не ошиблись, просто руководство временно назначило меня начальником вашей группы.

– А что с Логиновым? – быстро спросил Аникеев.

– Логинов в госпитале.

– Как в госпитале?

– Да ничего страшного, все обошлось. Только это не телефонный разговор. Вы сейчас где? По управлению объявлена повышенная готовность, так что я собираю группу! Вы через сколько сможете подъехать?.. Алло! Вы меня слышите?

– Слышу, слышу… – быстро проговорил Леня и отключился.

Несколько секунд он смотрел прямо перед собой.

Дело в том, что группу Логинова курировал генерал Максимов. А тот как-то в присутствии Аникеева негромко сказал Логинову:

– Таких, как этот Зорин, гнать надо сраной метлой из управления. Квалификация ноль, а амбиций через край. Из-за таких вот Зориных все наши проблемы.

Это оброненная походя фраза почему-то врезалась в память Лени. И теперь он был просто уверен, что назначить Зорина руководителем их группы просто не могли. А если назначили, то в обход Максимова. А это, в свою очередь, означало, что происходит что-то совсем непонятное…

Аникеева чуть не убили какие-то люди, Логинов угодил в больницу, Максимова отстранили – цепочка выстраивалась пугающая, и у Лени вдруг засосало под ложечкой. Он быстро набрал номер Степана Горова.

Но голоса капитана так и не услышал. Телефон Горова оказался вообще отключенным. Аникеев помрачнел еще больше. Тут в его руках отозвался «мобильник».

Леня вздрогнул от неожиданности и прикипел глазами к экрану. Звонили с «мобильника» Логинова. Аникеев немного поколебался, но кнопку нажал.

– Алло! Лейтенант, куда вы пропали? – недовольно проговорил Зорин. – Так когда вы сможете подъехать?

Аникеев по наитию сказал:

– Алло, алло! Я вас плохо слышу! Сейчас выберусь из метро и перезвоню…

Отключившись, Аникеев снова набрал номер Логинова, но на этот раз домашний. Происходящее здорово пугало его своей непонятностью. Но звонок на квартиру Логинова ясности не внес. Из трубки доносились монотонные короткие гудки.

Аникеев вообще отключил телефон и быстро взбежал на крыльцо. Едва он вошел в домик, как из кухни выглянула Анна.

– Дозвонились?

– Не совсем, – сказал Аникеев, протягивая телефон. – Мне, право, неудобно вас просить, но мне нужно срочно в город. Вы не могли бы подбросить меня до станции?

– На электричку собрался?

– Да.

– Уже опоздал! – почти радостно сказала Анна. – Следующая только через четыре часа!

– Вот же черт!

– Да ничего страшного! – улыбнулась девушка. – Я все равно уже собираюсь возвращаться. Так что, так уж и быть, подвезу тебя.

– Спасибо! – искренне сказал Аникеев.

– Да не за что. И не «выкай», а то как-то неудобно получается, как будто я старуха какая-то столетняя.

– Ладно, – поспешно согласился Аникеев. – Тогда я по-быстрому переоденусь.

С этими словами он протиснулся на кухоньку, где были развешаны остатки его одежды. При виде их Леня невольно растерялся – это были именно «остатки». Брюки и гольф были разорваны в нескольких местах да к тому же еще и не просохли как следует.

Анна сочувственно покачала головой:

– Придется выделить тебе кое-что из своих запасов. В счет будущих заслуг.

– Да ну, зачем? Я как-нибудь в этом… – пробормотал Аникеев.

– Да нет уж, этим ты мне все чехлы испортишь, – решительно сказала Анна. – У меня, конечно, не «мерин» «шестисотый», но салон я содержу в чистоте. Пошли!

Аникеев оглянулся на свои доспехи и покорно побрел за Анной. В комнате она открыла шкаф, немного там порылась и протянула Лене вполне сносные джинсы, майку и толстый свитер с эмблемой какого-то американского университета.

Вещи были явно не женские, но и отцу Анны они принадлежать не могли – те, что нацепил на себя ночью Аникеев, были на несколько размеров больше.

– Одевай, не бойся!

Леня взял вещи и нерешительно посмотрел на Анну.

– Стесняешься? – хмыкнула та. – Ну-ну, тогда ухожу.

– А чье это? – вдруг спросил Леня.

– Да так, от одного козла осталось. Но симпатичный был, как и ты. Надевай, не бойся, он за ними уже не вернется – я ему на прощание челюсть сломала, чтоб не размахивал своим членом направо и налево.

Аникеев только головой покачал. Анна же выскользнула на крыльцо и, пока он переодевался, с ухмылкой поколдовала над «мобильником». Телефон был «навороченный», с встроенным диктофоном. Леня даже не догадался, что оба его разговора с полковником Зориным автоматически записались.

Прослушав записи, Анна прикусила нижнюю губку. Потом оглянулась на машину и быстро прошла к ней. Достав из сумочки обычный диктофон, девушка переписала разговоры на него.

Минуты через две в дверь высунулась голова Аникеева:

– Эй, вы. то есть ты где?

– Здесь! – отозвалась Анна, поспешно пряча диктофон. – Ушла, чтобы тебя не смущать. Заодно двигатель прогреваю…

Вернувшись в домик, она отстранила топтавшегося при входе Аникеева и вытащила из-под полки вполне приличные кроссовки:

– Обувай, я думаю, подойдут!

– Тоже от козла остались? – вздохнул Леньчик.

– От него самого. А ты что, ревнуешь?

– Да ну, с чего бы…

– Жаль, – вдруг сказала Анна. – Ты мне правда понравился. Сейчас мужики нахраписты и беспринципные пошли, а ты вроде ничего. Или у вас на Лубянке все такие?

– У нас на Лубянке, – сказал Леня, примеривая кроссовок, – всякие есть. Как и везде.

– Нормально, не жмет?

– В самый раз.

– Ну и отлично, – резюмировала Анна. – Обувайся, а я пока твои шмотки в какой-нибудь пакет суну. – Через полминуты она вернулась. – Готов?

– Готов. Ключи на тумбочке.

– Я уже нашла, – показала связку Анна. – Держи пакет.

Две минуты спустя «Опель» выехал за ворота дачи. Анна вышла, закрыла их и направила машину к выезду из дачного общества…

31

«Подставляться» под бронированный лимузин директора ФСБ, к счастью, не пришлось. Остановившись у первого попавшегося по пути таксофона, Логинов набрал номер оперативного дежурного УБТ.

– Полковник Рюмин, слушаю!

– Привет, Вася, это Логинов. Не знаешь, директор в конторе?

– О, слава богу! – обрадовался дежурный. – Я тут тебя уже обыскался!

– На предмет? – хмуро спросил Логинов.

– С тобой Максимов хочет срочно поговорить! Переключаю!..

– Да что стряслось-то?

– Точно не знаю, но Максимов через голову начальства прорвался на прием к директору! А перед этим крепко с Локтионовым поругался. В общем, обстановка тут еще та, все как с цепи сорвались! Не знаю, как додежурить до конца смены! Короче, переключаю тебя на Максимова…

– Алло! – буркнул в трубке генерал.

– Логинов, Валерий Иванович!

– Ты куда пропал, мать тебя ети! – нервно проговорил Максимов. – Два часа не могу связаться!

– А я тут при чем? Мой «мобильник» обрубили, от дел отстранили, «хвост» прицепили…

– Какой «хвост»? Наш?

– Да нет, «петровский».

– А-а, понял. Значит, так, Витя. Был я у директора, – вздохнул Максимов.

– И что?

– Тяжелый вышел разговор. Матерился он сильно. Информация уже дошла до самых верхов.

– Да это понятно. О чем разговор-то был?

– Да все о том же. Я выразил свое несогласие с мнением непосредственного руководства. И сказал, что я за Аникеева ручаюсь.

– А директор что?

– А директор опять сильно матерился…

– Да это понятно.

– Сказал, что не видит смысла нарушать договоренность с МВД. На данный момент. Но разрешил нам на свой страх и риск вести параллельное расследование. Негласное. Если факты подтвердятся, я добровольно пишу рапорт и ухожу в отставку. Если накопаем что-то дельное, директор, возможно, примет решение о задействовании всего потенциала конторы для дальнейшего расследования.

– Круто. То есть мы вроде камикадзе? Без прав, но с обязательствами?

– Не совсем так. Директор дал команду об оказании нам кое-какой помощи. Но – негласной. Зато вам с Горовым вернут удостоверения и оружие. Так что подъезжайте. Только запомни, Витя, в случае чего, отвечать придется лично вам.

– Да я уже привык, – вздохнул Логинов. – «Успехом поделись с начальством, неудачу запиши на счет своей задницы…» Сейчас подъедем, Валерий Иванович. Мы тут кое-что накопали, доложим.

– Так вы уже в работе? – то ли обрадовался, то ли озаботился Максимов.

– Да уж не сидим сложа руки! Помним Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай!»

– Это, конечно, хорошо. Только вы все-таки того… смотрите поосторожнее… Обстановка сейчас такая, что прикрывать вас никто не станет. Могут под горячую руку и погоны снять. Уж сильно директор матерился!

– Снимут, так снимут, Валерий Иванович! Значит, пойдем в коммерческие структуры – «новым русским» прислуживать!

– Да с твоим характером не больно-то понаприслуживаешь.

– Ничего, я буду сдерживаться. Уж больно они хорошо платят.

32

Аникеев опасался, как бы на выезде из дачного общества его не опознал сторож, но там дежурил уже другой тип – помоложе и явно деревенской внешности.

Машину Анна направила не в ту сторону, откуда пришел Аникеев, а в противоположную. Где-то минут через двадцать они уже мчались по трассе к Москве.

Движок у «Опеля» был объемом 1,8 литра, водила машину Анна уверенно, даже с какой-то небрежностью, так что по дороге они легко и непринужденно обгоняли самые крутые иномарки.

Разговор не клеился.

Ситуация действительно была запутанной. Даже не запутанной, а абсолютно непонятной. Прояснить ее, наверное, могли бы вчерашние события, которые произошли с Леней до того, как он очнулся в микроавтобусе. Но вот как раз об этих событиях Аникеев ничего не помнил – как будто кто-то специально стер их из его головы. Да и сам вчерашний день припоминался смутно – вроде бы был он на работе, куда-то ездил, а вечером, кажется, собирался к кому-то в гости. Или на свидание. В общем, никакой конкретики, одни вопросительные знаки…

От безуспешных усилий что-то вспомнить голова снова разболелась. И Аникеев решил передохнуть. Подняв голову, он увидел, что впереди уже показалась окраина Москвы. Башни многоэтажек встали над посадкой слева, справа по дуге изогнулась электричка.

Анна посмотрела на Аникеева:

– Подъезжаем.

– Я вижу, – кивнул Леня.

– Тебе куда, на Лубянку? Мне все равно в ту сторону, могу завезти.

– Да нет, я лучше у метро выйду! – поспешно сказал Аникеев. – Я, вообще-то, не на Лубянке работаю. А в райуправлении.

– Да? А почему ты тогда сказал, что у вас на Лубянке всякие есть, как везде?

– Кто, я сказал? – смутился пойманный на вранье Аникеев.

– Ну не я же! Я у тебя спросила: у вас на Лубянке все такие? А ты сказал: у нас на Лубянке всякие есть, как везде.

– А-а, ну это я так, образно… – сделал неопределенный жест вконец смутившийся Леня.

– А ты, оказывается, врун, – констатировала Анна.

В этот момент за поворотом трассы показался стационарный пост ГИБДД. И хвост пробки. Со стороны области машин, правда, было не так уж и много. Зато на выезде из Москвы их скопилась тьма-тьмущая.

– Вот тебе на! – сказала Анна, сбрасывая скорость. – Только пробок еще не хватало!

Свернув на обочину, она под возмущенными взглядами мужчин-водителей обогнула десятка два машин и ловко втиснулась в узкий просвет между двумя иномарками в непосредственной близости от поста ГИБДД.

Дорогу перегородили шлагбаумом на колесиках. Гаишников усилили десятком омоновцев, вооруженных автоматами. Под резким весенним ветром владельцев выдергивали из теплых салонов и заставляли открывать багажники.

– Опять террористов ищут, что ли? – проговорила Анна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shahov_maksim/shans-tol-ko-odin

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить